

Дневник выжившего инженера

Марк Архипов

Марк Архипов

Дневник выжившего инженера

<https://litres.ru/73104118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его навыки строили будущее. Теперь они — единственный шанс на настоящее.

Апокалипсис не пощадил слабых. Инженер Марк выжил. Но выживание — не жизнь. Мир превратился в гигантские охотничьи угодья, где дикие звери стали умнее, а люди — опаснее любого зверя. Среди этого хаоса он находит нечто большее, чем просто пищу и укрытие: друзей, готовых стоять насмерть, и чувство, ради которого хочется снова начать строить, а не разрушать.

Чтобы сохранить это, ему предстоит спроектировать не мост или машину, а новую судьбу для тех, кто поверил в него.

Содержание

Глава первая: Тишина после бури	4
Глава вторая: Росток в крепости	70
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Марк Архипов

Дневник выжившего инженера

Глава первая: Тишина после бури

30 декабря

Сегодня должно было быть кануном Нового года. По крайней мере, так говорит мой календарь, который я веду уже... сколько? Три года? Четыре? Время слилось в одно серое пятно.

Нашел эту тетрадь в разрушенном книжном магазине. Страницы пожелтели, пахнут плесенью и пеплом. Но писать можно. Решил вести записи. Не знаю зачем. Может, чтобы не забыть, что я еще человек. А может, чтобы кто-то нашел, когда меня не станет.

Чудо. Все называют это Чудом. Я выжил, когда миллиарды погибли. Не потому что я сильнее или умнее. Просто в тот день, когда пришел Вирус, я был в герметичной лаборатории на третьем подземном уровне. Тестировал новые системы фильтрации. Ирония судьбы: проект, который должен был спасти жизни в случае биологической атаки, спас только меня.

Первые дни думал, что сошел с ума. Когда вышел на поверхность, город был мертв. Тишина. Такая густая, что ею можно подавиться. Ни машин, ни голосов, ни даже птиц. Только ветер, гуляющий между пустыми зданиями.

Но инженерное мышление не отключить. Оно и спасло. Пока другие бежали или прятались, я анализировал. Системы. Ресурсы. Угрозы. Вирус, похоже, распространялся через водопровод. Те, кто пил воду из-под крана в первые сорок восемь часов, погибли почти мгновенно. Я пил только воду из лабораторных запасов.

Научился многому. Находил воду, собирая конденсат с металлических поверхностей по утрам. Построил ветрогенератор из старого вентилятора и автомобильного аккумулятора. Солнечные панели с крыш соседних домов дают достаточно энергии для моих приборов.

Ем то, что нахожу в консервах, но они заканчиваются. Начал экспериментировать с гидропоникой в своей лаборатории. Пока растут только какие-то бледные ростки, но это лучше, чем ничего.

Сегодня, 30 декабря, пошел на разведку в бывший ботанический сад. Надеялся найти семена. Нашел нечто иное: следы. Не животных. Человеческие. Недавние.

Кто-то еще жив.

Сердце заколотилось так, будто хотело вырваться из груди. Страх и надежда одновременно. Последние годы я видел только мутировавших животных да изредка - бродячих ма-

родеров, которых старался избегать.

Следы вели к оранжерее. Я не пошел за ними. Слишком опасно. Но теперь знаю: я не один.

Вернулся в свою лабораторию-убежище. Проверил системы безопасности. Пересчитал запасы. Завел генератор.

Если есть другие выжившие, они могут быть друзьями. Или врагами. Завтра вернусь, но буду осторожен.

Нужно продумать подход. Инженер не воин, но может создать ловушки, системы предупреждения. Может, оставить знак? Записку?

Ночи стали длинными. Особенно зимой. Электричества хватает на пару лампочек. Читаю старые технические журналы. Иногда представляю, как исправляю мир. Как чиним то, что сломалось. Но некоторые вещи не починить.

Завтра - последний день года. Если мой календарь точен. Буду надеяться.

31 декабря

Последний день года. Раньше в этот день все спешили, смеялись, готовили столы, которым позавидовал бы любой пир. Сейчас я сижу в своем убежище и слушаю, как завывает ветер в вентиляционных шахтах. Но сегодняшний вой кажется иным - в нем есть не только ледяная тоска, но и напряжение.

Проснулся до рассвета. Сработал механизм внутренней тревоги, который я не могу отключить, как не могу отключить инстинкт инженера. Прежде чем сделать шаг наружу,

проверил все датчики по периметру. Самодельные устройства из старых сенсоров движения, магнитов и кусков провода. Все зеленые. Никто не приближался.

Но я все равно вышел, как планировал. Снова к оранжерее. На этот раз вооруженный не только осторожностью, но и подобием плана. Взял с собой не только инструменты и пистолет (редкий трофей, патронов к нему - штук двадцать, не больше), но и «предложение». Старую, но работающую газовую горелку и несколько банок тушёнки. Если это выжившие, а не мародеры, они оценят тепло и еду больше, чем угрозы.

Путь через замерзший парк был тихим. Снег, выпавший ночью, скрыл вчерашние следы, но не мой путь. Я оставлял свои метки - зарубки на деревьях, сложенные особым образом камни. Навигация - это система. Как и все остальное.

Оранжерея предстала передо мной призрачным дворцом из стекла и ржавого металла. Большая часть крыши обрушилась, и снег лежал причудливыми сугробами на мертвых деревьях и цветах. Но в дальнем конце, под еще целым куполом, царил иной мир.

Я увидел свет. Приглушенный, желтый. Не электрический, а свет пламени - костра или факела. И движение. Чья-то тень мелькнула за матовым стеклом, заросшим изнутри чем-то зеленым. Живым.

Сердце снова застучало, сбивая ритм. Я замер за грузовиком, заваленным, никому не нужными, игрушками. Минут

десять просто наблюдал. Систематизировал.

Признаки обитания:

1. Дым, тонкой струйкой выходящий из импровизированного дымохода куска трубы, вделанного в форточку.

2. Примитивные заграждения из парковых скамеек и веток у главного входа.

3. И главное - внутри, за стеклом, виднелись ящики с землей. И в них росли растения. Не жалкие побеги, как у меня, а настоящая зелень. Капуста? Салат?

Это была не стоянка мародеров. Мародеры не сажают капусту. Они только отнимают.

Нужно было решить: войти в контакт или отступить. Логика подсказывала отступить, наблюдать дальше, изучить. Но календарь в кармане будто ждал: 31 декабря. Какая-то глупая, иррациональная часть меня та, что помнит шампанское и бой курантов настаивала. Сегодня должен быть день, когда что-то меняется.

Я не стал подходить к двери. Вместо этого оставил свой подарок на видном месте, у старого фонтана с ангелом. Газовую горелку, банки. И приложил к одной из банок записку, написанную на обороте старой схемы:

«Мир. У меня есть инструменты, знания, безопасное место. Ищу взаимопомощь. Вернусь сюда завтра в полдень. Если хотите поговорить, оставьте знак. Марк.»

Под «знаком» я подразумевал что-то очевидное. Перевернутый камень. Завязанный узел на ветке. Простой бит ин-

формации.

Обратный путь казался короче. Мысли путались. Кто они? Семья? Одиночка, как я? У них есть дети? Последняя мысль заставила меня остановиться. Дети. Я не видел ребенка уже... с того самого дня. Если с ними дети, я обязан помочь. Это уже не просто выживание. Это долг.

Вернувшись в лабораторию, с головой ушел в работу, чтобы унять дрожь в руках - не от холода, а от адреналина. Перебрал систему очистки воздуха, проверил герметичность шлюзов. Все в норме. Моя стальная раковина по-прежнему надёжна.

Вечер провел у мониторов, наблюдая за камерами, которые я раскидал по округе. Ничего. Только снег и тишина.

Сейчас глубокая ночь. Через несколько часов наступит новый год. Какой он будет? Таким же, как предыдущие? Или сегодняшний шаг, эта записка, этот знак в снегу - начало нового уравнивания с неизвестными?

Поставил на зарядку фонарь. Приготовил рюкзак на завтра. В полдень я в буду ждать ответа.

Как странно - ждать. Последние годы я только выживал. Не ждал. А сейчас жду. Это пугает и дает какую-то странную, почти забытую теплоту внутри.

Пусть завтра будет первый день. Первый день чего-то нового.

1 января

Новый год. Первый день. Он начался не с надежды, а с

ледяного ужаса.

Проснулся от громкого, металлического шума в вентиляционной шахте №3 - той, что ведет с восточной стороны. Датчики вибрировали, выдавая тревожный писк. Кто-то пытался проникнуть внутрь. Не через главный шлюз, а через аварийные системы. Значит, знают, как устроены подобные объекты. Или очень удачно догадались.

Все планы на встречу в полдень мгновенно испарились. Адреналин вколотил в сознание ледяную ясность. Это не те, из оранжереи. Те, кто сажает капусту, не лезут в вентиляцию на рассвете. Это мародеры. Или хуже.

Схватил инструмент - не пистолет, а тяжелую монтировку. Пистолет оставил на крайний случай, ведь шум выстрела в стальных коридорах оглушит и привлечет всех в радиусе километра. Погасил все источники света, кроме аварийных красных лампочек, и крался по знакомым, как свои пять пальцев, коридорам к источнику шума.

Они уже были внутри. Я услышал голоса, доносящиеся из вентиляционного колодца. Грубые, сильные.

-...должен быть генератор. Чувствую, тепло идет.

-Давай быстрее, тут дубак собачий.

Их было двое. Я стоял в тени за углом, где распределительный щит, и слушал, как их сапоги с грохотом падают на бетонный пол моего дома. Мой мозг, вопреки страху, работал с холодной эффективностью. Вентиляционная шахта №3. Значит, они в техническом отсеке Б. Оттуда один путь

сюда, в жилой блок - через узкий проход и дверь с электронным замком, который я давно перевел на ручное управление.

Они приближались. Я принял решение за секунды. Не атаковать. Заманить.

Отступил в жилой блок, к своей мастерской. Руки сами нашли нужные тросы и блоки. За минуты соорудил примитивную, но эффективную ловушку у входа: натянутый на высоте пояса трос, соединенный с грудой металлолома, аккуратно сложенного на полке. Спусковой механизм - петля у самого порога.

Затем включил один монитор, вывел на него схему энергосетей района, чтобы свет и мерцание привлекли внимание. И замер в засаде, за старым лабораторным столом, сжимая монтировку до боли в суставах.

Они не заставили себя ждать. Дверь скрипнула. Я увидел их силуэты: двое, в лохмотьях и самодельной кожаной броне, с обрезками труб в руках. Их глаза сразу зацепились за синий свет монитора.

-Вот! Я же говорил! - прошипел один, более крупный, и шагнул вперед.

Его нога точно попала в петлю. Раздался резкий скрежет, и грудa металла с грохотом обрушилась ему на плечи и спину. Он рухнул с хриплым криком. Второй отпрыгнул в ужасе, озираясь.

-Где ты?! Покажись, тварь!

Я вышел из тени. Не спеша. Монтировка на плече.

-Вы в моем доме, - сказал я, и голос прозвучал странно спокойно, даже для меня. - Уходите. Сейчас же.

Тот, что стоял, замер, оценивая меня, ситуацию, своего напарника, который стонал под грудой железа. Я видел в его глазах расчет и злобу. И в конце концов отступление. Животный инстинкт самосохранения победил жажду добычи.

-Ладно... ладно, инженерюга, не дергайся. Уходим. -нервно промямлил он.

Потребовалось минут десять, чтобы они, ковыляя и ругаясь, выволокли себя обратно в шахту. Я стоял и смотрел, как исчезают их ноги, держа палец на спусковом крючке пистолета, который теперь был у меня в руке. Заблокировал за ними вентиляционную решетку изнутри, приварив ее стальными прутьями с помощью переносной горелки. Работал быстро, яростно, выводя злость и страх ровными швами.

К полудню я был измотан, но жив. И мое убежище снова было цело. Но иллюзия безопасности рассеялась навсегда. Они нашли меня. Значит, могут найти снова. И их будет больше.

Мысль об оранжерее и полуденной встрече казалась теперь не наивной, а жизненно необходимой. Если там есть люди, нам нужно объединяться. Делиться не только едой, но и опасностью.

Я пошел туда, как и обещал. С опаской, удвоив внимание. Мои дары с фонтана исчезли. На том же месте, на постаменте у ангела, лежал теперь не перевернутый камень. Лежал акку-

ратно связанный пучок свежей мяты. И деревянная детская кукла, старая, с одним стеклянным глазом. Рядом выведено углем на камне: «СПАСИБО».

И ниже, более мелкими буквами: «ОСТОРОЖНО. СЛЕДЯТ».

Знак. Больше чем знак. Предупреждение и предложение одновременно.

Я взял куклу и мяту. Запах мяты, нежный и резкий, ударил в нос, напомнив о мире, где вещи растут, а не только разрушаются.

Не стал ждать, не пытался их увидеть. Просто оставил на том же месте маленький, блестящий предмет - старую, но отполированную до зеркального блеска монету. Пусть знают: сигнал принят. И понят.

Вернулся. Укрепил входы. Пересмотрел планы эвакуации. Я начал чертить схему объединенной системы безопасности для двух точек: моей лаборатории и оранжереи. Общие датчики. Координированное наблюдение. Сигналы бедствия.

Новый год. Первый день. Кто-то пытался меня убить. А кто-то другой дал мне пучок мяты и предупредил об опасности.

Баланс сил в моем маленьком мире изменился. Уравнение усложнилось. Появились новые переменные: враги и... возможно, союзники.

Завтра пойду к оранжерее снова. Не просто с запиской. С

чертежом.

2 января

Тишина сегодня кажется иной. Не пустой, а прислушивающейся. После вчерашнего вторжения каждый скрип металла, каждый щелчок термометра заставляет вздрагивать. Но есть и другое чувство - более сильное, чем страх. Любопытство. А может, уже надежда.

Весь день провел за доработкой схемы. Не просто план общей безопасности. Целая сеть. Если оранжерея это «точка А», а моя лаборатория «точка Б», то между ними должен быть не просто контакт, а связь. Надежная, тихая, не привлекающая внимания.

Извлёк из запасов два старых армейских телефона, с катушками провода. Теория проста: проложить кабель под землей, по старым кабельным каналам и трубам. Рискованно, но радиосвязь может быть перехвачена, а малейшая радиопомеха - как маяк для тех, кто охотится.

Так родился «Проект Мост». На схеме все выглядело элегантно: две укрепленные точки, связанные линией связи и системой предупреждения на основе оптоволокну (нашел небольшой моток в техническом складе). Любое нарушение периметра в одной точке сразу отобразится в другой. Мы могли бы дежурить по очереди. Делиться ресурсами. Быть не двумя одинокими крепостями, а одним организмом с двумя щупальцами.

С этим планом и пошел к оранжерее ближе к вечеру. Шел

не прямой дорогой, а окольными тропами, через разрушенные тоннели метро, проверяя, не следят ли. Пучок мяты в кармане издавал приятный аромат, напоминая о цели.

Подойдя к парку, заметил первое несоответствие. Моя отзеркаленная монета-ответ исчезла. Но на ее месте не было ничего нового. Только снег. Насторожился.

Оранжерея стояла тихо. Слишком тихо. Ни дыма из трубы, ни света за стеклами. Только ветер гудел в его железном каркасе. Моя ловушка у фонтана? Нетронута. Я обошел по кругу, с биноклем, и зашёл со стороны старой водонапорной башни. Ни движения. Ни единого признака жизни. Только следы на снегу - множество, перепутанные, свежие. И не только следы ног. Следы волочения. Как будто что-то тяжелое тащили.

Ледяной комок страха сдавил горло. «ОСТОРОЖНО. СЛЕДЯТ». Их предупреждение было не просто предостережением. Оно было пророческим.

Я не смог заставить себя подойти ближе. Инстинкт кричал об опасности. Если за ними пришли, то место заминировано или находится под наблюдением. Я отступил, стирая свои следы насколько это было возможно.

Вернувшись в бункер, я чувствовал не страх, а яростную, холодную досаду. Я нашел союзников, и их у меня отняли, едва успев заметить. Мир снова показал свои правила: любая связь, любая надежда - это уязвимость.

Вечер потратил не на чертежи «Проекта Мост», а на со-

ставление карты следов вокруг оранжереи по памяти. Анализ. Кто бы это ни был, они пришли с севера, со стороны старой промзоны. Не меньше пяти-шести человек. Действовали быстро, возможно, ночью или на рассвете. Увели ли их? Убили на месте? И главный, самый мучительный вопрос: кукла... Мята... это был знак искренности? Или приманка, чтобы усыпить мою бдительность, пока они сами были на мушке?

Нет. Не верю. В приманке нет смысла оставлять предупреждение «СЛЕДЯТ». Это были свои. И их взяли.

Сейчас глубокая ночь. Сажу перед мониторами. Карта промзоны светится на экране. Там, в лабиринтах цехов и складов, должны быть они. Те, кто напал на оранжерею. Возможно, те же, кто лез ко мне в вентиляцию.

«Проект Мост» отложен. На его месте родился новый. «Проект Возмездие». Или не столь пафосно - «Проект Разведка».

Я не солдат. Я инженер. Но я могу спроектировать ловушку. Систему наблюдения. Могу узнать их численность, распорядок, слабые места. Если те, из оранжереи, еще живы... возможно, их нужно найти. Не из благородства. Из логики. Они явно не враги, а значит два человека лучше, чем один.

А еще... под столом лежит деревянная кукла с одним глазом. Я поднял ее. Она смотрит на меня своим единственным стеклянным глазом. В ее взгляде нет упрека. Есть вопрос.

Завтра я иду на север. В промзону. Не с монтажкой. С инструментами слежения, датчиками движения и бутылкой

самодельной «светящейся смеси» на основе магнезия. Чтобы осветить врага, если придется.

Я строил убежище, чтобы выжить. Теперь, кажется, придется строить его, чтобы защищать. Или отвоевывать.

3 января

Надежда - странная вещь. Она не мягкая и утешительная, как я думал. Наоборот. Сегодня она жгла меня изнутри, как крепкий спирт, придавая решимости и заставляя сердце биться не от страха, а от предвкушения сложной, но решаемой задачи.

Я нашел их.

Промзона встретила меня гробовой тишиной, прерываемой гулом ветра в разбитых окнах. Это был лабиринт из ржавого железа и бетона, идеальное логово для тех, кто предпочитает силу уму. Мои первые датчики - простейшие «сигнальные маячки» из лески с жестяными банками - я расставил только начиная свой путь по промзоне. Затем, используя вентиляционную трубу, проник в полуразрушенный цех, соседний с тем, где заметил признаки жизни: свежие консервные банки, следы костров, приглушенные голоса.

Я не герой. Я наблюдатель. Я инженер. Поэтому я занял позицию в верхней части этого завода, под самым потолком, среди тени и паутины. И стал ждать. И считать.

Их было семеро. Не дисциплинированные солдаты, а банда. У них был главарь - здоровенный мужик со шрамом, которого они звали Глыба. Они жили в грязи, питались воро-

ванными консервами и тем, что удавалось поймать. Сила их единственный закон. Но у них была и слабость: самоуверенность и лень. Они не выставляли часовых на все подходы, полагаясь на удаленность своего логова.

А потом я увидел их.

Из маленькой, запертой на тяжелый амбарный замок кладовки, ведущей в подвал, Глыба вывел двух человек. Мужчину и женщину. Они были бледные, испуганные, но не сломленные. На мужчине очки с заклеенной оправой. Инженерные очки. На женщине простая, но чистая одежда, заправленная в штаны для работы. Мои люди. Из оранжереи. Их зовут, как я подслушал, Лев и Ира. Их не убили сразу. Их держат как «полезных». Заставляют чинить фильтры, разбирать какую-то электронику. Глыба с удовольствием дал понять, что как только они перестанут быть полезными...

Но они были живы. Это был ключевой факт. Переменная в уравнении, которую можно было использовать.

Я наблюдал весь день, затаив дыхание. Зафиксировал расписание: как и когда они спят (группами, не все сразу), где хранят свой скудный «арсенал» (куча хлама у дальней стены), где тропа их отступления. Их система безопасности была примитивной, дырявой. Для меня, который три года оттачивал защиту своего бункера, это была не крепость, а детская забава.

Мысль оставлять их там еще на одну ночь была невыносима. Но и бросаться в атаку в одиночку чистое самоубийство.

Нужен был план. Не штурм. Инженерное решение.

Я вернулся в бункер на закате. Усталость валила с ног, но мозг работал с лихорадочной скоростью, как суперкомпьютер, наконец получивший ясную задачу.

Сейчас сижу перед большой грифельной доской. На ней не схемы вентиляции. На ней план освобождения. Я назвал его «Операция “Тихий Звонок”».

Суть в диверсии, отвлечении и точности. Я не могу победить семерых. Но я могу заставить их разбежаться и испугаться, создав иллюзию масштабной атаки или катастрофы.

План по пунктам:

Фаза 1: “Шум на передовой”. За два часа до рассвета активировать удаленно несколько шумовых устройств на дальних подступах к промзоне. Использую старые пожарные sireны на аккумуляторах, привязанные к таймерам. Это вызовет панику, заставит их проснуться и, вероятно, отправить на разведку 2-3 человека.

Фаза 2: “Огонь в логове”. Пока внимание отвлечено, подобраться к цеху с задней стороны. У меня есть баллоны с горючим маслом и химикаты, создающие густой, едкий, но не смертельный дым. Забросить через вентиляционные отверстия. Цель: не сжечь, а создать хаос, ощущение нападения изнутри, выгнать остальных наружу. Дымовая завеса также скроет мои дальнейшие действия.

Фаза 3: “Тихий Звонок”. Главное. Пока в цеху дым и паника, проникнуть внутрь через известный мне проём в фун-

даменте. Используя противогаз, добраться до кладовки. Замок обычный, это не электронный шлюз. Пары минут с болгаркой от аккумуляторной дрели хватит чтобы освободить Льва и Иру.

Фаза 4: “Увод и сокрытие следов”. Вывести их по заранее проложенному и помеченному безопасному маршруту (через подземный туннель) прямо сюда, в бункер. А на обратном пути активировать последние “сюрпризы” - растяжки со светошумовыми гранатами (самодельными, на основе пиротехники), чтобы окончательно отбить преследователей и замести следы.

Это рискованно. Миллион вещей может пойти не так. Но это система. Это последовательность действий, основанная на наблюдении, логике и знании слабых мест противника. Это не грубая сила. Это план построенный на инженерии для спасения.

Я почти не чувствую усталости. Руки твердо раскладывают по столу нужные компоненты: провода, таймеры, баллоны, инструменты. Впервые за долгие годы у меня есть не просто цель выжить. У меня есть миссия. Конкретная, измеримая, достижимая.

Лев и Ира там, в темноте и страхе. Они положили мятую. Они оставили куклу-знак. Они предупредили меня. Теперь моя очередь.

Завтра на рассвете будет шумно. Завтра я приведу их домой.

Я верю в этот план. Потому что я его создал. А я хороший инженер.

4 января

Рассвет. Не тот, что окрашивает небо в красивые тона, а другой резкий и оглушительный. Операция «Тихий Звонок» началась.

Все пошло... не по плану. А лучше. Потому что планы - это теория, а реальность всегда вносит свои коррективы, превращая расчеты в импровизацию под огнем.

Когда первая сирена взревела вдали, в промзоне поднялась не просто паника, а сильнейшая. Глыба и его люди не стали слаженно рассылать людей. Они высыпали всех одной толпой, как разъярённые шершни, крича и стреляя в воздух из обрезов. Это было даже лучше: логово опустело почти полностью. Остался лишь один, самый молодой и трусоватый, приставленный «стеречь пленных».

Фаза 2 началась раньше. Я видел, как они толпой умчались на шум. Сердце колотилось, отдаваясь в висках. Время пошло на секунды. Подбежал к точке вброса, швырнул внутрь баллоны с дымовой смесью. Не густой едкий дым, как планировал, а быстро расходящееся облако - химия сработала иначе. Но эффект был: изнутри донёсся испуганный вопль и кашель.

Фаза 3. Проход в фундаменте был там, где я его оставил. Протиснулся внутрь. Дым резал глаза даже через противогаз. Осветил фонарем - часовой, мальчишка лет шестнадца-

ти, метнулся ко мне с ножом. Не пришлось даже драться. Он споткнулся о разлитое масло (мой же побочный эффект) и рухнул, ударившись головой о станок. Лежал без движения.

И вот она - кладовка. Болгарка взвыла, высекая целую кучу искр в дыму. Замок поддался через тридцать секунд. Дверь распахнулась.

В луче фонаря я увидел их: прижавшихся друг к другу в углу, с широко раскрытыми от ужаса и надежды глазами. Мужчина в разбитых очках прикрывал собой женщину.

- Марк? - хрипло спросил он. Они запомнили мое имя из записки.

- Сейчас не время для знакомств. За мной! Быстро!

Фаза 4 превратилась в спринт по аду. Они шли за мной, цепляясь за мою куртку, спотыкаясь, но не отставая. Лев подхватил по дороге брошенный бандитами рюкзак с каким-то инструментом. Ира не выпускала из рук маленький, аккуратно свернутый тюк из ткани - свои семена, как выяснилось позже.

Мы нырнули в открытый люк как раз в тот момент, когда снаружи донёсся рев вернувшихся бандитов и первые хлопki моих светозвуковых «подарков». Хаос позади был полный. Нас не преследовали.

Дорога домой, в бункер, была невероятно длинным путешествием. Каждый шорох заставлял оборачиваться. Но мы дошли.

И вот теперь они здесь. Сидят на моих складных стульях

в главном зале, пьют горячий чай из крапивы и мяты (мои скудные запасы), закутавшись в одеяла. Дрожь понемногу покидает их тела. Лампы под потолком мягко гудят, системы очистки равномерно шумят - музыка безопасности.

Они оказались братом и сестрой. Лев и Ирина, но она просит называть ее Ира. И их история...

Лев, как и я, инженер. Не ядерщик или кибернетик, а специалист по гидравлике и системам орошения. Работал в той самой ботанической оранжерее над проектом для Марса. Ирония. Он готовил растения для другой планеты, когда погибла наша. Вирус застал их вдвоем в служебной квартире при оранжерее. Их спас фильтр-колодец с артезианской водой, который Лев как раз ремонтировал — они не пили из городской сети.

Ира... она ботаник. Генетик растений. Говорит о семенах и фотосинтезе так, как я говорю о схемах и токах. Это она превратила часть оранжереи в плодоносящий сад на обогащенном грунте. Она может отличить съедобный корень от ядовитого по запаху среза, знает, как стимулировать рост без удобрений, как опылять растения вручную. Она — причина того зелёного островка, который я увидел.

Их мир — это мир корней, стеблей и ДНК. Мой — мир статики, ампер и жесткой логики. Сидя здесь, за одним столом, мы представляем собой нечто целое. Систему жизнеобеспечения. Мозг и зеленые легкие.

Они рассказали, как нашли мою записку и горелку. Как

обрадовались, что не одни. Как боялись отвечать, потому что уже заметили слезку со стороны промзоны. Как оставили куклу - это была игрушка Иры, память о племяннице... Они пытались уйти, спрятаться, но бандиты выследили их по дыму костра.

Теперь они здесь. В безопасности. Глыба и его орда, скорее всего, решат, что на них напала другая банда, и, возможно, на время залягут на дно или уйдут искать новое место. Но это уже завтрашняя проблема.

Сейчас я смотрю на них. Лев уже оживленно чертит что-то в воздухе, рассказывая, как можно улучшить мою систему сбора конденсата. Ира, улыбаясь, развязывает свой тюк, показывая аккуратные пакетики с семенами: томаты, морковь, картофель особого сорта, шпинат. «Здесь, под вашими лампами, с вашей энергией, Марк, мы можем вырастить рай», - говорит она, и глаза ее горят.

У меня больше нет просто убежища. У меня появилась команда. База. Цель, которая простирается дальше, чем следующая банка тушенки.

Мы уцелели по чуду. Каждый по-своему. А теперь, кажется, наши чудеса сложились. Инженер и ботаник. Сталь и семья.

Завтра начнем чертить новые планы. Не просто выживать. Возродить.

Но сначала - надо выспаться. Все трое. Впервые за долгие годы я засыпаю, зная, что кто-то стоит на вахте. И это не

датчик. Это живой человек. Лев уже вызвался быть первым дежурным.

Мир не стал безопаснее. Но он стал... больше. И в нем есть место не только для меня, но и для нас всех.

5 января

День, начавшийся с тихой надежды, едва не закончился в ледяной пасти старого ужаса. Но по порядку.

Утром, после короткого, но крепкого сна (дежурство Льва прошло без происшествий), мы собрались на совет. Нужно было вернуться в оранжерею. Оставить там все, что пережило разорение, было бы преступлением. Особенно главную лабораторную тетрадь Иры с результатами экспериментов по ускоренному росту и оставшиеся семена редких сортов. А Лев помнил о нескольких портативных солнечных панелях и контроллерах заряда, которые он спрятал под полом в подсобке.

Риск был. Но риск оправданный. Мы разработали маршрут, сигналы, план отхода. Я чувствовал странное волнение не одиночное, а общее. Мы работали как один механизм. Лев отвечал за наблюдение с тыла, Ира знала каждый уголок оранжереи, я прокладывал путь и отвечал за безопасность.

Добрались без приключений. Оранжерея стояла пустая и казалась разграбленной. Бандиты унесли все съестное, что нашли, но проигнорировали «хлам». Для них хламом были ящики с землей, приборы и пакетики с семенами. Наше сокровище.

Мы работали быстро и молча, как хорошо смазанная машина. Ира, сжав губы, собирала свои гербарии и записи. Лев извлек из тайника панели и компактный, но мощный анализатор воды. Я нашел еще несколько катушек медного провода и целый короб транзисторов - золото в нашем новом мире.

Нагруженные, на сколько это возможно, мы двинулись в обратный путь. Идти было тяжелее, тише, осторожнее. И именно тогда, в полукилометре от бункера, на перекрестке заваленных улиц, мы их услышали.

Голоса. Хриплые, злые. Всего в паре переулков. Глыба и его люди. Они не ушли. Они рыскали, ища следы «тех, кто напал». В их голосах сквозила не просто злоба, а нечто новое: страх и растерянность. Наша диверсия сработала лучше, чем я думал: они были убеждены, что на них напала большая, организованная сила.

Мы замерли, прижавшись к стене разрушенного магазина. Сердце колотилось так громко, что мне казалось, его слышно за километр. Ира зажмурилась, Лев сжимал ручку монтировки, которую взял с собой. Я медленно, очень медленно положил свою ношу на землю и жестом показал: ползком. Туда, в темную часть подвала, почти заваленную кирпичом.

Мы проползли. Один за другим. Затаили дыхание. Сверху доносились приглушенные голоса:

-...ничего, чистое место. Как призраки.

-Говорю тебе, у них техника! Дым такой, дышать нельзя было!

-Может, военные какие...

-Да какие, нахрен, военные...

Они простояли там вечность. Минут десять. Потом, покричав еще немного в пустоту, двинулись дальше, в сторону промзоны. Мы выждали еще пять долгих минут, прежде чем выбраться, покрытые пылью и холодным потом. Обратный путь до бункера был самым напряженным отрезком в моей жизни. Каждый шаг казался громким, каждая тень - врагом.

Но мы дошли. Шлюз захлопнулся за нами с тихим, верным шипением. Только тогда мы позволили себе выдохнуть. Руки дрожали не от тяжести, а от сброшенного напряжения.

Вечер... вечер стал полной противоположностью. После проверки периметра и усиления блокировок мы наконец разобрали добычу. Ира, словно священный ритуал, разложила на столе свои семена. Каждый пакетик был аккуратно подписан ее мелким почерком: «Томат “Рассвет”, устойчив к низкой освещенности», «Морковь “Корень жизни”, короткий вегетативный период».

Мы с Львом смонтировали две дополнительные УФ-лампы над столом в углу главного зала. Заполнили лотки обеззараженным грунтом (смесь из моего запаса и принесенного Ирой специальной почвы). Ира своими руками, с невероятной нежностью, опускала в землю каждое семечко. Это был не просто посев. Это был акт веры. В будущее. В нас.

Пока она занималась этим, Лев и я пили чай (Ира добавила туда какие-то сушеные ягоды, от которых по телу разлива-

лось тепло). Мы разговорились. По-настоящему. Не о выживании, а о прошлом. О жизни до. Лев любил джаз и коллекционировал старые механические часы. Он мечтал построить фонтан, работающий без насосов, только на законах гидравлики. Ира, оказывается, была заядлой туристкой-походницей, знала все съедобные растения в лесу и обожала вышивать сложнейшие узоры.

Я узнал их. Не как союзников по несчастью, а как людей. Со смешными привычками (Лев что-то постоянно мурлыкал себе под нос, настраивая оборудование), с тихим юмором (Ира мягко подтрунивала над его забывчивостью), с той самой хрупкой и прочной человечностью, которую я почти забыл.

Сейчас они спят в соседнем помещении, которое мы условно называли «казармой». В бункере стало тесно, шумно (тихий храп Льва) и... по-домашнему уютно. На столе под лампами лежат лотки с будущим. Завтра мы начнем строить расширенную установку, для озеленения нашего бункера, по чертежам Льва. Ира будет следить за кислотностью и световым режимом. Я займусь энергетикой и защитой.

Мир за стенами все так же враждебен. Глыба и ему подобные все так же рыщут. Но внутри этих стальных стен теперь теплится не просто жизнь. Теплится сад. И дружба.

Мы еле унесли ноги сегодня. Но мы принесли домой не только семена. Мы принесли домой надежду. И она уже дала первые, невидимые пока всходы.

6 января

Сегодня не было криков сирен, скрипа металла или запаха дыма. Сегодняшний день был наполнен другим - гулом работы, спокойным бормотанием, запахом земли и горячего паяльника. День был мирным. Невероятно, невозможное спокойствие, которое мы все, как оказалось, отчаянно искали, даже не осознавая этого.

Утро началось с малого чуда: в одном из лотков, где Ира посадила быстро всходящий салат, показались первые, нежные, почти прозрачные зеленые ростки. Мы втроем стояли над ним, как над новорожденным, молча и улыбаясь. Это был простой салат. Но для нас он значил больше, чем любой урожай до падения. Он значил: работает. Жизнь побеждает.

Потом мы разделили обязанности естественно, без споров, как будто всегда так и работали. Лев погрузился в чертежи расширенной орошительной системы. Он разложил на столе схемы, исправленные его аккуратными пометками, и что-то постоянно вычислял на стареньком инженерном калькуляторе. Он оказался перфекционистом, способным часами подбирать диаметр трубки для оптимального потока питательной смеси.

Ира, вооружившись микроскопом из лабораторных запасов, изучала состояние других семян, делая записи в своей тетради. Потом она занялась нашими скудными запасами еды, составляя что-то вроде сбалансированного рациона, пытаясь выжать максимум питательных веществ из консер-

вов и немногих припасенных круп. Она нашла в закоулках бункера пакетик с проросшим картофелем и, ликуя, объявила, что мы сможем посадить и его.

Моя задача была обеспечить энергию для всего этого начинания. Я подключил солнечные панели, принесенные вчера, к основной сети, оптимизировал распределение нагрузки. Потом помогал и Льву с креплением каркаса для будущих установок, и Ире с организацией места для хранения семян. Мои руки, привыкшие к жесткому железу и холодным схемам, с непривычки брались за хрупкие ростки и пакетики, и Ира мягко поправляла меня: «Не так сильно, Марк, они живые».

И это было самое странное и прекрасное. Мы шутили. Лев подкалывал меня за мой вечный прагматизм, когда я предложил сделать резервную систему для резервной системы полива. Ира рассказывала за едой смешные истории из своих походов, как они с друзьями перепутали съедобный папоротник с ядовитым. Мы пили вечерний чай (опять с ее травами, теперь уже это традиция), и разговор тек легко, о вещах, не связанных с выживанием: о книгах, о звездах, о музыке.

В эти моменты я ловил себя на мысли, что лицо устает от непривычной улыбки. Что страх в груди отступает, оставляя место чему-то тёплому и плотному, почти как доверие. Они стали не просто союзниками. Они стали... семьей. Той, которую ты не выбираешь, но которую находишь в руинах мира. Но именно это тепло и заставило меня очнуться уже бли-

же к ночи, когда Лев и Ира отправились отдыхать. Я остался в главном зале, уставившись на наши запасы. На полку с консервами, которая заметно опустела. На мешок с крупой, который стал легче. Мы втроем. Нас стало больше. Наш маленький рай под землей требует ресурсов.

Провизию нужно добывать. И скоро. Промзона, несмотря на опасность, самое логичное место. Там были склады, возможно, нетронутые, куда бандиты из-за своей лени и глупости не добрались. Нужно идти туда. Рисковать. Чтобы защитить это хрупкое спокойствие, этот смех за чаем, эти зеленые ростки на столе.

Я сел за стол и начал новый план. Не план нападения или бегства. План снабжения. Операция «Кладовка».

Цель: разведка и вынос припасов с ближайшего к территории бандитов, но не занятого ими склада хозтоваров (я помнил его по старым картам).

Угрозы: патрули бандитов, возможные ловушки, общая нестабильность зданий.

Состав: только я. Льва и Иру нельзя подвергать риску. Они наше будущее. Они должны оставаться здесь, в безопасности.

Снаряжение: легкий, для быстрого перемещения и переноса груза. Бесшумное оружие (лук с самодельными стрелами, проверенная монтровка), рюкзак, датчики движения, аптечка.

Маршрут: через старую подземную станцию метро, выход

в 300 метрах от цели. Путь назад другим путем, кругами, для сброса возможного хвоста.

Я буду искать в первую очередь: консервы, герметично упакованные крупы, соль, сахар, медикаменты (если повезет), инструменты, батареи.

Дата вылазки: послезавтра, 8 января. Завтра нужно подготовить все до мелочей, провести разведку маршрута с помощью дрона (если заряда хватит), и, самое сложное, это убедить Льва и Иру остаться. Они будут против. Но это необходимо.

Смотрю на спящий бункер. На мягкий свет ночника над ростками. На схему, которую черчу. Раньше я защищал свою жизнь. Теперь я защищаю нашу жизнь. И этот долг тяжелее, и страшнее, но в тысячу раз осмысленнее.

Завтра будет день подготовки. А послезавтра еще один шаг в темноту, чтобы принести в этот свет немного больше надежды. И еды.

7 января

Как я и предполагал, утро началось не с подготовки снаряжения, а со спора. Самого тихого, упрямого и принципиального спора в моей жизни.

Выложив за завтраком план «Кладовка», я сразу обозначил главное: иду один. Ира, сидевшая напротив, побледнела и крепко сжала свою кружку. Лев перестал есть и посмотрел на меня поверх очков тем пронзительным, умным взглядом, который сразу выдавал в нем не просто инженера, а человека

с железной волей.

- Это нелогично, Марк, - сказал он спокойно. - Один человек несет груз медленнее. Один человек не может обеспечить полноценное прикрытие с тыла. Один человек, в случае травмы, обречен. Вероятность успеха миссии в составе пары выше на 40%, минимально.

Я сыпал своими аргументами: они ценный ресурс, Ира нужна растениям, риск должен быть минимизирован. Ира молчала, ее взгляд метался между нами, полный беспокойства.

- Я остаюсь, - тихо, но четко сказала она наконец. - Кто-то должен быть здесь. Следить за системами. За нашим... садом. - Она кивнула на лотки с ростками, которые уже окрепли за сутки. - Но Лев прав. Одному слишком рискованно.

Лев отодвинул тарелку.

- Марк. Ты вытащил нас из той ямы. Ты дал нам убежище. Ты думаешь, я позволю тебе одному идти в логово тех тварей, пока я сижу здесь и паяю схемы? Инженерия это еще и ответственность. За систему. За команду. Я иду с тобой.

Его слова не были не обдуманными. Это была холодная, взвешенная констатация факта. Он смотрел на меня не как на спасителя, а как на партнера. Равного. И в этом было нечто, что сломило мое сопротивление быстрее любых эмоций.

Мы спорили еще час. Прорабатывали варианты. В конце концов, логика Льва победила. Пара действительно эф-

фективнее. Двое могут вынести больше, могут подстраховать друг друга. А Ира... Ира будет нашим «центром управления». Она останется здесь, у мониторов, будет следить за датчиками по периметру и ждать нашего возвращения по заранее оговоренному графику. Если мы не выйдем на связь (решили использовать проверенные полевые телефоны, протянув линию до точки выхода из коллектора) — у нее есть четкий план действий: полная блокировка бункера и ожидание.

Осознание, что мы оставляем ее одну, было горьким. Но она настояла. «Я не беспомощная, - сказала она, и в ее голосе звучала уверенность. - Я справлюсь. А вы... вы просто возвращайтесь. Оба».

После этого день превратился в интенсивную подготовку. Мы работали с слаженностью, которая поражала. Лев, со своей дотошностью, проверял каждую застежку на рюкзаках, каждую батарейку в фонарях. Он модифицировал мой лук, улучшив тетиву и балансировку стрел. Я сосредоточился на тактике: детально проработали с ним каждый отрезок маршрута, каждое укрытие, сигналы жестами (полная тишина в зоне риска), точки отхода.

Ира, в свою очередь, подготовила нам компактные, но питательные пайки, упаковала усиленные аптечки, куда добавила каких-то своих трав «для бодрости и против инфекции». Она же зарядила дрон — старую, но надежную модель, способную на короткий бесшумный полет. С его помощью

мы провели финальную разведку подступов к складу. Картинка с камеры была обнадеживающей: окрестности пустынные, само здание склада выглядит целым, крыша не обрушена. Никаких признаков активного присутствия бандитов.

Вечером мы провели последний брифинг. Разложили карту. Маршрут: выход через восточный шлюз в 05:30, еще до рассвета. Движение через станцию метро. Выход у склада. Проникновение через разбитую вентиляционную шахту на втором этаже (она ведет прямо в отдел с упаковочными материалами, откуда можно спуститься в основные залы). На сбор — не более 90 минут. Обратный путь — другим туннелем, с выходом в 800 метрах от бункера. На связь с Ирой выходим в 07:00, 08:30 и перед самым возвращением.

Сейчас ночь. Снаряжение аккуратно разложено у шлюза. Лев уже спит, сказал, что инженеру нужен ясный ум. Я сижу и пишу это, прислушиваясь к равномерному гудению систем.

Страх есть. Но он другой. Раньше я боялся только за себя. Теперь я боюсь за него. За нее, которая останется ждать. За наш хрупкий мирок, который зависит от успеха завтрашнего дня.

Но есть и уверенность. Не слепая, а основанная на расчетах, на подготовке, на знании, что за моей спиной не пуста, а надежный партнер. Лев не солдат. Но он умный, хладнокровный и, как выяснилось, чертовски упрямый. С ним шансы действительно выше.

Ира... Я видел, как она перед сном подошла к лоткам с ростками и что-то тихо прошептала им. Как будто просила удачи для нас.

Завтра мы идем за будущим. Не только в виде банок с едой. За будущим, в котором мы можем позволить себе быть не просто выжившими, а людьми, которые строят, растят, надеются.

Пора отдыхать. Завтра большой день.

8 января

План - это скелет. Плоть и кровь ему придает реальность, которая всегда вносит свои коррективы. Сегодня все прошло «по плану», но не так, как я наивно представлял вчера вечером.

Подъем в крошечной тьме. Быстрый, почти безмолвный завтрак под пристальным, полным беспокойства взглядом Иры. Последняя проверка снаряжения. Ее крепкое, внезапное объятие на прощание - сначала Льва, потом меня. Она не сказала ни слова, но в этом объятии было все: «Будьте осторожны» и «Возвращайтесь».

Выход. Холодный, колющий воздух перед рассветом. Туннель метро встретил нас гулким эхом наших шагов и знакомым запахом сырости и ржавчины. Мы двигались быстро, в такт, изредка обмениваясь условными жестами. Лев был сосредоточен, собран. Я ловил себя на том, что постоянно косился на него, проверяя, все ли в порядке, этот новый, странный инстинкт ответственности за другого.

Выход у склада был чист. Ни души. Проникнуть через вентиляционную шахту оказалось делом техники, Лев помог отжать погнувшуюся решетку, мы проскользнули внутрь.

И тут нас ждала первое изменение плана. Склад хозтоваров был... опустошен. Не бандитами, а временем и, возможно, другими выжившими давным-давно. Полки, которые по моим картам должны были ломиться от запасов, стояли пустые, покрытые толстым слоем пыли и птичьего помета. Сердце упало. Вся рискованная затея казалась провальной.

Но Лев не растерялся. Он тронул меня за плечо и жестом показал вглубь, в сторону отметки «подвал/склад №2» на нашей схеме. Мы не планировали туда идти, а вход был завален. Но другого выбора не было.

Обходным путем, через разлом в перекрытии, мы спустились вниз. И здесь нас ждала удача, но лишь на половину.

Подвал был затоплен на треть, пахло плесенью и сыростью. Но в дальнем, сухом углу, стояли забитые ящиков. Наше везение было частичным: еды там почти не оказалось. Зато мы нашли другое золото: ящики с герметичными упаковками саморезов, гаек, болтов, мотки изоляции, рулоны медной проволоки, несколько новых топоров и ломов в масле, пачки стерильных бинтов и йод в ампулах. Для бандитов это хлам. Для нас же основа будущего. Для Льва - детали для орошительной системы. Для меня же, материалы для укрепления периметра.

Мы работали молча и эффективно, как конвейер: Лев

сбрасывал ящики, я упаковывал в рюкзаки и мешки то, что было ценнее всего и легче всего по весу. Консервов нашли всего две маленькие коробки: тушенка и сгущенка. Но мы взяли соль. Целый, невредимый двадцатикилограммовый мешок соли. В нашем мире это дороже золота.

По плану было 90 минут. Мы их выдержали почти точно, хотя каждая секунда в темноте затопленного подвала, под скрипом балок над головой, тянулась вечностью. Перед уходом Лев, к моему удивлению, сунул в рюкзак несколько пачек семян газонной травы со стеллажа. «Для Иры, - пояснил он шепотом. - Для почвопокровных. И для настроения».

Обратный путь был тяжелым. Рюкзаки тянули к земле, ныли плечи. Каждый шорох заставлял замирать. Но мы шли. Друг за другом. Прикрывая тылы.

И вот он, родной шлюз. Сигнал. Его открывает она.

Ира стояла в проеме, бледная, с огромными глазами, в которых плескалась такая буря облегчения, что у меня перехватило дыхание. Она не выдержала, бросилась вперед. Сначала к Льву, обхватила его, прижалась, что-то быстро бормоча. Потом оторвалась, и ее взгляд упал на меня.

И она обняла меня. Крепко, по-настоящему. Не как союзника. Как своего. Ее волосы пахли дымком и той самой травой, что она добавляет в чай. Она дрожала.

-Я так боялась, - прошептала она мне в плечо. - Так боялась...

В этот момент я и поймал себя. На том, как моя рука сама

легла ей на спину, чтобы успокоить. На том, как это простое человеческое прикосновение, после лет одиночества, обожгло что-то внутри. На том, как я смотрю на нее, не только как на ценного ботаника, сестру моего друга. А как на Иру. Умную, упрямую, нежную с ростками и сильную в минуту опасности.

Мы разгрузились. Вывалили наши трофеи на пол. Ира ахнула, увидев мешок соли, потом рассмеялась сквозь слезы над семенами газонной травы от Льва. «Безумец, у нас еды нет, а ты траву принес!» — сказала она, но прижала пачки к груди. Потом она настояла, чтобы мы сели, ели горячее (она сварила какую-то похлебку из наших скудных запасов, пока мы проворачивали эту "операцию"), и засыпала нас вопросами.

Вечер. Лев уже храпит на своей койке, уставший, но довольный. Я сижу и смотрю, как Ира, при свете настольной лампы, аккуратно перебирает принесенные болты и гайки, раскладывая их по баночкам. Ее профиль, сосредоточенное выражение лица, то, как она откидывает прядь волос... Это новое чувство. Неловкое. Тревожное. Прекрасное.

Мы не нашли всего, что хотели. Но мы нашли больше. Мы вернулись целыми. Мы стали крепче как команда. И я... я нашел в себе что-то, что думал навсегда похоронено под слоями выживания.

Завтра будем сортировать трофеи, достраивать орошительную установку. Жизнь продолжается. Но теперь в этой

жизни есть новый, тихий, пока еще непонятный импульс. И его имя — Ира.

9 января

Утро началось с тишины, нарушаемой лишь равномерным гулом генератора и шелестом страниц в тетради Иры. Она сидела за столом, склонившись над своими записями, солнечный свет от имитатора окна (старая световая панель) мягко освещал ее волосы, превращая их в медное сияние. Я чинил контроллер вентиляции, но взгляд постоянно уплывал в ее сторону. Этот странный внутренний сбой, обнаруженный вчера, никуда не делся. Только усилился.

Каждый раз, когда она передавала мне отвертку, и наши пальцы случайно соприкасались, по руке пробегала странная, теплая искра. Когда она смеялась над шуткой Льва за завтраком, я ловил себя на мысли, что хочу слышать этот смех чаще. Она была доброй ко всем, внимательной. Но эта доброта вселенская или... есть в ней что-то, направленное именно на меня? Вопрос вертелся в голове, бесконечный, неразрешимый цикл, отвлекающий от важных дел. Я, привыкший вычислять вероятности и строить логические цепочки, оказался в тупике перед единственным уравнением без известных переменных.

Эти бесполезные, сладкие муки прервались резко и грубо. В 13:47 заглушило тишину пронзительное, ледяное дребезжание самодельной сирены на восточном секторе. Тот звук, от которого кровь стынет в жилах.

Все произошло за секунды. Мы отработали, как по сценарию, который уже прописали в мышцах. Ира рванула к мониторам, кричит: «Датчик движения, сектор 4-Б!». Лев хватает лук и занимает позицию у главного шлюза. Я срываю со стены пистолет и лезу на верхний наблюдательный пост, к перископу.

Сердце колотилось, выбивая дробь страха и ярости. «Они нашли нас. Пришли». Мысль о том, что эта хрупкая идиллия, эти зеленые ростки, это новое, неясное чувство все сейчас могут отнять, сжечь, растоптать... Она давала не страх, а холодную, слепую решимость стоять насмерть.

Минута. Две. На мониторах никого. В перископ лишь заснеженный пустырь, лишь ветер качает обрывки проводов.

-Ничего не вижу, - сквозь зубы говорю я.

-Сигнал чистый... но больше нет срабатываний, - недоумевая, говорит Ира.

Лев, не отрываясь от своей позиции, предполагает: Может, зверь? Птица крупная?

Мы выждали еще двадцать минут в полной боевой готовности. Напряжение начало спадать, сменившись недоумением. Рискуя, я надел скафандр (старый защитный костюм) и пошел проверить сектор 4-Б лично.

И нашел. Датчик движения, который я крепил три дня назад, отвалился. Просто. От вибрации от работы нашего же генератора. Упал, качнулся на проводе, и этого хватило, чтобы замкнуть контакты. Не враг. Не зверь. Глупая, банальная

неисправность. Инженерный прокол.

Вернувшись, я снял шлем и просто сказал: «Ложная тревога. Мой косяк». Ожидал упреков, раздражения от напрасного стресса. Но Лев лишь облегченно вздохнул и потер переносицу. Ира подошла, посмотрела на меня не с упреком, а с... сочувствием?

- Все в порядке, главное, что все живы и целы, - сказала она тихо, и ее рука на мгновение легла на мою руку, все еще сжатую в кулак. И снова эта искра. Но сейчас не до нее.

Инцидент, как ни парадоксально, встряхнул нас и вернул к суровой реальности. Наша эйфория после удачной вылазки испарилась. Мы сидели за столом, но уже не над семенами, а над пустыми банками из-под тушенки. Тревога, которую мы прогнали вчера, вернулась, обогащенная новым знанием: наша безопасность лишь иллюзия, а запасов, даже с учетом вчерашней добычи, катастрофически мало на троих.

- Нам нужно не просто продержаться, - начал Лев, глядя на наши скудные ряды консервов. - Нам нужно создать запас. Месячный, минимум. Пока не пошел серьезный урожай. - Он кивнул на лотки, где наш салат уже радовал глаз, но есть его было еще рано.

Ира поддержала: - И медикаменты. Обезболивающие, антибиотики. У меня только травяные настои, они не справятся с серьезной инфекцией или травмой.

Мы начали строить новый план. Не реактивный, а продуктивный. Карта города лежала между нами. Промзону отме-

тили как «красную зону» — слишком горячо. Но на северо-востоке, в бывшем спальном районе, был среднеразмерный супермаркет. Не тот, что у всех на виду и давно разграблен, а тот, что стоял в глубине квартала, частично обрушившийся. По моим воспоминаниям, у него были большие подвальные холодильные камеры и большой закрытый склад. Шансы найти там что-то целое были выше.

Новая цель: супермаркет «Квартал» на улице Солнечной.

Проблемы: расстояние (почти 5 км в один конец), необходимость идти через открытые, незащищенные участки, возможные другие группы выживших.

Выгода: потенциально огромный запас долгохранящихся продуктов (макароны, крупы, консервы, возможно, даже шоколад или сгущенка), бытовая химия (мыло, стиральный порошок конечно это роскошь), аптечный отдел.

Это будет самая масштабная и опасная вылазка. Нужно готовиться серьезно. Провести разведку дроном по всему маршруту. Собрать транспорт? Старый грузовик в гараже неподалеку... но его нужно проверять, ремонтировать, а шум двигателя привлечет всех.

Мы договорились: три дня на подготовку. Лев займется модификацией нашего защитного снаряжения, а я детальной разведкой маршрута и усилением обороны здесь, на время нашего отсутствия. Ира подготовит максимально питательные и компактные пайки, проверит и упакует всё что нам необходимо.

Когда мы разошлись, атмосфера была другой. Не панической, а сосредоточенной, деловой. Ложная тревога стала трезвым, холодным душем. Мечты о тихой жизни под землей отложены. Сначала нужно завоевать для нее право на существование.

А про искру в глазах Иры и неловкость в груди... придется отложить и это. Выживание снова на первом месте. Но теперь это выживание ради чего-то конкретного, теплого, хрупкого. И это делает каждый шаг вперед и страшнее, и неизбежнее.

10 января

Подготовка началась с инвентаризации нашего «арсенала» и возможностей. Лев сразу взялся за главную проблему транспорт. Нашел в соседнем полуразрушенном гараже не тележку, а санки. Большие, грузовые, на стальных полозьях. Гениально в своей простоте. По снегу и щебню тянуть их будет относительно тихо и можно взять гораздо больше груза. Весь день он их усиливал, прилаживал ремни для буксировки и съемные борта.

Я занялся дроном. Прошел по всему намеченному маршруту виртуально, через его камеру. Заметил два потенциально опасных участка: длинная открытая эстакада и площадь перед самым супермаркетом. Наметил пути обхода через подвалы соседних домов. Главная находка: крыша супермаркета частично обрушена, но один из служебных входов сбоку выглядит целым и, что важно, не заваленным снару-

жи. Значит, есть шанс, что внутри не было массового мародерства.

Ира готовила снаряжение. Она не просто упаковывала, а систематизировала. У нее было три стопки: «Еда/вода», «Медицина/безопасность», «Инструменты». Ко всему были приложены аккуратные бумажки с пояснениями. Видя ее сосредоточенность, я не решался заговорить о чем-то постороннем. Только как-то раз, передавая ей катушку прочного шнура, наши руки встретились чуть дольше необходимого. Она взглянула на меня, быстро улыбнулась и снова погрузилась в работу. Эта улыбка... дежурная? Или в ней был отзвук чего-то большего? Проклятые неизвестные переменные.

Вечером за ужином (обычная похлебка, но Ира добавила в нее щепотку сушеных диких трав, отчего запах стал невероятно домашним) мы обсуждали план. Решили, что машина это самоубийство. Шум двигателя разнесется на километры. Только пешком. А это значит минимум сутки, а то и двое, с учетом ночевки в каком-нибудь безопасном укрытии по пути.

- Я остаюсь, - сказала Ира. - И буду ждать. У меня тут... - она махнула рукой на бункер, - полно дел. И наш огород нуждается в присмотре. Только... - она посмотрела то на Льва, то на меня, - только вы оба, слышите? Оба возвращается.

В ее голосе не было истерики. Была команда. И от этой командной интонации, обращенной ко мне, стало и тепло, и тревожно одновременно.

11 января

Сегодня Лев закончил санки. Получился монстр, способный везти, наверное, полтонны груза. Мы опробовали их в дальнем коридоре, и к нашей радости, тянутся сани легко.

Я потратил день на создание «тревожных чемоданчиков», небольших наборов на случай, если придется бросить санки и уходить быстро: минимум еды, воды, аптечка, теплые вещи, и некоторые мелочи.

Сближение с Ирой сегодня было... рабочим. Мы вместе проверяли сроки годности на найденных в аптечке таблетках. Сидели плечом к плечу, и она, объясняя мне разницу между антибиотиками, была так увлечена, так ярка. Она шутила, что скоро я смогу защитить диссертацию по выживательной фармакологии. И снова эта легкость, это тепло между нами. Но где граница? Где заканчивается естественная доброта человека, который рад компании, и начинается что-то еще? Моя инженерная логика бессильна.

Лев, кажется, что-то замечает. Пару раз я ловил на себе его задумчивый взгляд, когда я помогал Ире на кухне или просто смотрел на нее. Он ничего не сказал. Просто слегка улыбался уголком губ и возвращался к пайке какого-то датчика для сигнализации.

12 января

Последний день подготовки. Все готово. Санки упакованы и стоят у шлюза. Наша экипировка проверена и перепроверена. Маршрут изучен до мелочей, с запасными вариантами.

ми на каждый отрезок. У Иры же, подробная инструкция, что делать, если мы не выйдем на связь в оговоренное время (каждые четыре часа по полевому телефону, линию протянем до первого контрольного пункта).

Вечером было странное, приглушенное настроение. Мы все понимали масштаб затеи. Пять километров в мир, где за каждым углом может быть смерть. Надолго. Это не скоростная вылазка к соседнему складу.

После ужина Ира не пошла сразу спать. Она подошла к своему «саду», поправила лампы, проверила влажность грунта. Потом обернулась к нам.

- Знаете, пока вы будете тащить эти ваши банки с солеными огурцами... - начала она, пытаясь шутить, но голос дал небольшую трещину. Она выпрямилась. - Я тут кое-что посею. Не только салат. Что-то... на будущее. Чтобы было что встречать.

Она не сказала что. Но по ее таинственной улыбке я понял она посеет что-то такое, что растет не ради пропитания, а ради красоты. Цветы(а вы что подумали?). В нашем мире это звучало как безумие. И как величайшая надежда.

Перед тем как разойтись, она подошла ко мне. Не для объятий, как тогда. Просто положила руку на мое предплечье. Взгляд ее был серьезным и прямым.

- Марк. Берегите там друг друга. И... возвращайтесь. Мне... нам здесь будет очень не хватать вас обоих.

Она сказала «нам». Но ее пальцы слегка сжали мой рукав.

На долю секунды. И этого было достаточно, чтобы все мои расчеты, все сомнения пошли прахом. В этом прикосновении была тревога не только за брата. Было что-то личное. Для меня.

Я только кивнул, не в силах вымолвить слова. Сердце бешено колотилось, смешивая страх предстоящего похода с диким, иррациональным порывом надежды.

Завтра на рассвете выход. Долгий путь во тьму. Чтобы принести свет и жизнь обратно. Чтобы было ради чего возвращаться. Чтобы увидеть, что же такого она посеяла.

Конец записи перед вылазкой.

13 января

Запись в пути.

Пишу при свете фонаря, в тесной каморке на втором этаже какого-то полуразрушенного магазина канцтоваров. За дверью, на площадке лестницы, дремлет Лев. Санки с грузом стоят внизу, в забаррикадированном подсобном помещении. Мы добрались. Мы у цели. Но путь сюда... путь был адом.

Утро. Холодное, сизое. В шлюзе стояла Ира, закутанная в одеяло поверх куртки. Обняла Льва долго, что-то шептала ему на ухо. Потом подошла ко мне. Обняла так же крепко, и я почувствовал, как она прижалась щекой к моей груди.

- Возвращайся, Марк, - прошептала она, и ее голос дрогнул. — Обещай.

- Обещаю. - хрипло выдавил я, и это было не пустое слово, а клятва, вбитая в самое нутро.

Она отступила, посмотрела нам в глаза по очереди, кивнула, и шлюз с шипением закрылся, скрывая ее образ, оставляя лишь ледяной воздух и тяжесть ответственности.

Первые километры прошли относительно спокойно. Сани скользили почти бесшумно. Но потом начались преграды.

1. Эстакада. Как и предсказывала разведка, открытое, продуваемое место. Мы попытались проскользнуть под ней, но там оказался завал из обледенелых грузовиков, оплетенных колючей проволокой, словно кто-то намеренно создал барьер. Пришлось идти поверху. Каждая секунда наверху, на виду, заставляла кожу покрываться мурашками. Мы прорвались, но потратили час на обход.

2. Ловушка. Не мародеров, а самой смерти. В одном из переулков снег выглядел ровным и чистым. Лев, шедший впереди, провалился по пояс. Под снегом скрывался разлом в асфальте, широкая трещина, уходящая в подвал. Я еле вытащил его за лямки рюкзака. Он отделался испугом и ушибом колена, но после этого мы шли, прощупывая каждый шаг палкой, что замедлило нас катастрофически.

3. Знаки. Не звери и не люди. Знаки. На стене одного из домов мы увидели странные, незнакомые нам символы, выведенные сажей. Не бандитские метки. Что-то более сложное, организованное. Другой анклав выживших? Мы обошли это место десятой дорогой, но осадок остался. Мы не одни в этом мертвом городе. И не все соседи дружелюбны.

К супермаркету мы подползли уже затемно, уставшие,

продрогшие. Служебный вход оказался заваленным изнутри, но рядом мы нашли разбитое витринное окно, ведущее в кофейню, прилегающей к супермаркету.

Внутри царил хаос разрушения и тишина, давящая гуще, чем на улице. Мы включили фонари и двинулись вглубь, к отделу бакалеи. И тут нас ждала первая удача: стеллажи были полны! Макароны, крупы в пластиковых упаковках, мука, сахар. Счастье длилось недолго.

Из-за прилавка мясного отдела, с низким, грудным рыком, появились они. Собаки. Вернее, то, во что превратились собаки. Три одичавших, тощих, но огромных пса с горящими в темноте глазами. Голод свел их с ума. Они не боялись. Они видели добычу.

Это был короткий, жестокий и тихий бой. Лев выпустил две стрелы. Одна вонзилась в плечо ведущего пса, заставив его взвыть и отступить. Я выстрелил из лука, но промахнулся. Второй пес прыгнул на меня. Я успел подставить лук, пес вцепился в него, и мы рухнули на пол. Запах гниющего мяса и бешеной псины ударил в нос. Лев, не раздумывая, бросился и ударил его монтировкой по голове. Третий пес метнулся к нему сбоку, но я, вырвавшись, ударил его фонарем-дубиной по ребрам. Хруст, визг. Ошеломленные, раненные звери отползли в темноту, зализывая раны. Мы стояли спина к спине, тяжело дыша, слушая их отдаленный вой.

Адреналин тряс нас еще долго. Но мы не могли терять время. Работали вдвое быстрее, загружая на сани мешки с

крупой, макаронами, коробки с печеньем и шоколадом (да, мы нашли шоколад!), пачки соли и соды. Нашли целый ящик с банками тушенки и сгущенки. В аптечном отделе — удача: антибиотики, бинты, обезболивающее, йод. Мы сгребали все, что могло пригодиться.

Выбраться наружу с нагруженными под завязку санями было пыткой. Но мы сделали это. Идти обратно сегодня было безумием. Нужно было отдохнуть.

Мы нашли это место, магазинчик канцтоваров на втором этаже соседнего здания. Лестницу заблокировали обломком шкафа. Внизу, в подсобке, стоят наши санки с бесценным грузом.

Сейчас тихо. Лев уже спит, уставший до полусмерти, но довольный. Я сижу и пишу это, прислушиваясь к ночи. Где-то далеко воют те самые псы. А еще дальше, на юго-востоке, там, где наш дом, там, где она... там, наверное, уже зажжен свет. Она ждет.

Мы нашли почти все, что хотели. Больше, чем хотели. Завтра предстоит долгий, опасный путь назад. Но теперь у нас есть груз, который стоит того. Груз будущего.

А еще... среди всего этого хаоса, в канцтоварах, я нашел одну вещь. Маленький, простой, но целый блокнот в твердой синей обложке. И новую ручку. Я взял их. Не для себя. Для нее. Чтобы она могла записывать свои наблюдения за растениями не на обрывках, а в хорошей, новой тетради.

Спокойной ночи, Ира. Мы возвращаемся.

14 января

Возвращение.

Каждый шаг назад к дому давался втрое тяжелее, чем путь от него. Не только из-за неподъемных саней, хотя они, нагруженные до предела, казалось, впивались в самую землю. Из-за усталости, которая копилась в костях. Из-за постоянного, едкого страха, что найденное богатство вот-вот отнимут. И из-за Льва.

Это случилось уже на обратном пути, когда до бункера оставалось меньше километра. Мы спускались по обледенелому склону в овраг, короткий путь, который я считал безопасным. Лев, шедший сзади и придерживавший сани на спуске, подскользнулся. Раздался глухой удар, сдавленный стон, и треск падающего груза. Санки накренились, несколько мешков съехали на землю.

Лев лежал, скрючившись, бледный как смерть, сжимая левую ногу выше колена.

- Не нога... ребро, - выдавил он сквозь стиснутые зубы. - Кажется, ударился о торчащую железяку.

В глазах его плавала не боль даже, а ярость на собственную неловкость и страх подвести в самый последний момент. Адреналин вколотил в меня ледяную ясность. Паника была роскошью, которую мы не могли себе позволить.

- Не двигайся, приказал я, больше самому себе. Осмотр показал: перелома, к счастью, не было. Но глубокий, болезненный ушиб, возможно, трещина. Дышать ему было боль-

но, а двигаться мучительно.

Мы просидели там, в промозглом овраге, минут двадцать. Я дал Льву обезболивающее из нашей новой добычи, сделал ему тугую повязку на грудную клетку, чтобы ограничить движение. Потом, молча, перераспределил груз. Все самое тяжелое — на себя. Льву оставил легкие, но объемные мешки, которые он мог нести, почти не используя торс. Санки пришлось оставить. Мы спрятали их в ближайшем разрушенном гараже, маскируя обломками. Забрали только самое ценное и необходимое: медикаменты, часть еды, инструменты.

Оставшийся километр казался невероятно долгим. Мы шли медленно: я впереди, с неподъемным рюкзаком, оглядываясь на каждый шорох; Лев сзади, хромая, сжав зубы, но не издавший ни звука жалобы. Каждый его прерывистый вдох отдавался в моей собственной грудной клетке. Мы были так близко к дому. И так уязвимы.

И вот они, родные коммуникационные трубы, знакомый поворот, за которым должен быть шлюз. Я послал условленный световой сигнал фонарем: три коротких, один длинный. «Свой. Проблема».

Шлюз открылся не сразу. Сначала шелкнул глазок, потом с шипением отъехала тяжелая дверь. И в проеме, залитая светом изнутри, стояла она. Ира. В ее глазах мгновенно сменились надежда, радость, ужас.

Она не бросилась к нам. Она рванула. Мимо меня, прямо

к Льву, который уже опирался о стенку, с трудом сдерживая стон.

- Боже, что с тобой? - ее голос был тихим и очень острым.

-Ничего, сестренка... оступился, - попытался отшутиться Лев, но гримаса боли выдавала его с головой.

В следующие минуты Ира перестала быть просто ботаником. Она стала хирургом, сиделкой, командиром. Ее руки, такие нежные с ростками, действовали быстро, уверенно и твердо. Она помогла нам затащить груз внутрь, захлопнула шлюз, и, не теряя ни секунды, устроила Льва на импровизированной койке в главном зале. Принесла теплой воды, растянула его куртку.

- Марк, антисептик и эластичный бинт из зеленой аптечки, - скомандовала она, и я, как солдат, бросился выполнять.

Я наблюдал, как она обрабатывает возможный синяк (кожа уже начала багроветь), как аккуратно, но плотно бинтует ему ребра, заставляя дышать неглубоко, но ровно. Ее сосредоточенность была абсолютной. Лев, под действием обезболивающего и наконец-то ощутив себя в безопасности, начал дремать.

И только когда он уснул ровным, уже не прерывистым дыханием, Ира выпрямилась и обернулась ко мне. И тогда я увидел, что ее спина дрожит. Она подошла ко мне, стоявшему все еще в полной экипировке, покрытому грязью и потом. И тихо, так тихо, что я еле расслышал, спросила:

- А с тобой... ты цел?

Я не смог ответить. Просто кивнул. И тогда в ее глазах, которые все еще хранили следы паники, что-то дрогнуло. Слезы покатались по ее щекам беззвучно, одна за другой.

Я не думал. Руки сами нашли ее плечи, а потом обняли. Она прижалась ко мне, пряча лицо в мою грязную куртку, и ее плечи содрогались от беззвучных рыданий сброшенного напряжения долгих часов ожидания и ужаса. Я гладил ее по спине, бормоча что-то бессвязное: «Все хорошо... мы вернулись... Лев будет в порядке...».

Она отстранилась, потерла ладонью глаза, смущенно улыбулась сквозь слезы.

- Прости. Я... я так боялась.

- Я знаю, - сказал я. И моя рука, будто сама по себе, поднялась и осторожно, совсем чуть-чуть, смахнула со щеки оставшуюся слезинку. - Мы обещали вернуться.

Наша связь висела в воздухе, осязаемая, как статическое электричество. Она смотрела на меня, и в ее взгляде не было привычной всеобъемлющей доброты. Был взгляд, направленный именно на меня. Марка. И в нем читалось облегчение, благодарность и что-то еще... что-то неуловимое и теплое, от чего мое сердце сделало странный, неправильный толчок.

Она первая отвела взгляд, кивнула на спящего Льва.

- Ему нужно отдохнуть. А тебе... тебе нужна горячая вода и еда. Я все приготовлю. А ты приведи себя в порядок.

И пока я скидывал тяжелую амуницию, чувствуя, как каж-

дая мышца ноет от усталости, я видел, как она накрывает брата одеялом, поправляет его подушку. Потом она подошла к принесенным нами мешкам, и я увидел, как ее лицо озарила настоящая, детская радость, когда она достала оттуда пачку какао и банку со сгущенкой. «Рай», - прошептала она, и этот шепот был для меня самой лучшей наградой.

Сегодня мы не просто принесли припасы. Мы прошли через огонь и лед и вернулись целыми. Лев получил урок осторожности, который запомнит надолго. А я... я получил ответ. Пусть не словами. Но этим взглядом. Этими слезами. Этим мгновением, когда мир для нее сузился до моего плеча.

Завтра будем разбирать трофеи. А сегодня... сегодня просто отдышимся. И будем рады, что мы вместе.

15 января *день*

Рассвет застал меня за проверкой оставшегося у меня снаряжения. Я почти не спал. Ворочаясь на своей койке, я слышал тяжелое, но ровное дыхание Льва и тихое посапывание Иры за перегородкой. Безопасность. Покой. И страшная, мучительная мысль, которая грызла мне душу.

Наши санки с основной частью добычи остались там, в гараже, в километре отсюда. Наши следы вели прямо к ним. Снег мог скрыть их, а мог и не скрыть. А самое главное мы оставили приманку. Мешки с крупой, макаронами, тем самым шоколадом. В этом мире это все равно что оставить сундук с золотом на улице и надеяться, что его никто не найдет. Каждый час увеличивал риск. Ждать, пока Лев окрепнет, хо-

тя бы неделю было безумием.

За завтраком я выложил свое решение. Кротким голосом, но с железной интонацией, которую сам в себе ненавидел.

- Мне нужно сходить за санями. Сегодня. Пока их не нашли.

Ира сразу побледнела. Лев, бледный и осунувшийся, попытался приподняться на локте, но схватился за бок с гримасой боли.

- Марк, это самоубийство! - прошептал он. - Одному... с такой ношей... Я буду готов через пару дней, потерпи!

- У нас нет пары дней, - жестко ответил я. - Каждый час риск. Я не пойду по нашим следам. Пойду обходной дорогой. Затащу сани в ближайший подвал, замаскирую, а самую ценную часть принесу сюда сразу.

Ира молчала, сжимая кружку так, что костяшки пальцев побелели. Потом она тихо сказала:

- Но они тебя могут выследить. Они знают, что ты где-то здесь.

- Поэтому и нужно идти сейчас. Пока они не опомнились после нашего набега на склад. Пока они думают, что мы с добычей уже далеко.

Спор длился долго. Лев приводил логические доводы, Ира эмоциональные, умоляющие. Я видел страх в ее глазах, и он прожигал меня насквозь, но лишь закалял мою решимость. Я должен был защитить то, что мы добыли с таким трудом. Защитить их будущее.

В конце концов, они сдались. Не потому что согласились, а потому что поняли: меня не переубедить. Ира, стиснув зубы, собрала мне самый лучший паек, проверила каждый ремень на рюкзаке. Лев, лежа, диктовал мне слабые точки в конструкции саней, которые нужно проверить. Их молчаливая поддержка была тяжелее любого упрека.

Я вышел один. Было странно идти без Льва за спиной. Каждая тень казалась врагом, каждый звук угрозой. Обходной путь занял вдвое больше времени, но я никого не встретил.

Гараж, где мы спрятали сани, показался на горизонте целым и нетронутым. Облегчение было сладким и кратким. Я уже начал подбираться к нему, крадясь от развалины к развалине, когда услышал голоса. Грубые, знакомые. Их голоса.

Я замер за грудой кирпича. Их было трое. Они стояли у входа в соседнее с гаражом здание, ворошили что-то в костре. Они не нашли санки. Еще нет. Но они здесь. В двух шагах от нашего клада. Они что-то искали в этом районе, может, выслеживая нас, может, просто рыская в поисках добычи.

Мысль бежать прочь, бросить все, была сильна. Но я не мог. Не после того, через что мы прошли. Не после слез Иры.

Я отполз назад, ища укрытие. Взгляд упал на полуразрушенную водонапорную башню неподалеку. Ее железный каркас был еще крепок, а лестница, хоть и ржавая, вела наверх. Это был идеальный наблюдательный пункт.

Не раздумывая, я рванул к ней. Ржавые ступени скрипели

под ногами, но шум ветра скрывал звук. Я вскарабкался на самую верхнюю площадку, туда, где когда-то был бак. Оттуда, из-под облупившейся кровли, был виден и гараж, и ма-родеры у костра.

И вот тут я понял свою ошибку. Сверху я видел все. Но и отступать, если что, мне некуда. Я буду прямо как на блю-дечке если вдруг что. Я прижался к холодному железному резервуару и стал ждать вечера.

Часы тянулись мучительно. Они бродили, что-то лома-ли, смеялись. Один из них подошел к самому гаражу, пнул дверь. Мое сердце замерло. Но дверь, которую мы так тща-тельно завалили обломками, не поддалась. Он что-то про-ворчал и отошел.

А потом началось худшее. К ним присоединились еще двое. Теперь их было пятеро. Они развели костер побольше, явно собираясь задержаться. Я был в ловушке. Наверху вет-реной башни, с парой стрел и ножом против пятерых. И с санями, полными надежды, в двадцати метрах подо мной.

Я не мог спуститься. Не мог двигаться. Оставалось только одно: ждать. Ждать, пока они уйдут или уснут. И надеяться, что холод и неподвижность не сведут меня с ума раньше.

Солнце начало клониться к горизонту, окрашивая руины в кровавые тона. Они все еще были там. А я здесь. В капкане собственной решительности.

Запишу это, чтобы не сойти с ума от ожидания. Чтобы было что читать, если... если я вернусь.

Берегите друг друга, Лев, Ира. А я еще повоюю.

15 января *ночь*

Тьма стала моим единственным союзником. Холод пробирал до костей, сковывая мышцы, но я боялся пошевелиться. Внизу, у зловещего оранжевого пятна костра, копошились тени. Пятеро. Они развели его на ночь прямо у входа в соседнее здание, благоразумно не заходя внутрь гаража, но превратив всю зону в свой лагерь.

Я наблюдал. Запоминал. Один, похожий на предводителя, сидел спиной ко мне, что-то жевал. Двое других дремали, прислонившись к стенам. Еще двое ушли в сторону на «дозор» — похаживали неподалеку, но без особого рвения.

План родился из отчаяния и наблюдений. В двухста метрах от их лагеря, в противоположной стороне от гаража, стоял полуразрушенный фургон. Его бензобак, пробитый еще давно, давно высох, но сама машина была горючим материалом. А в моем рюкзаке лежала последняя самодельная осветительная шашка на основе магния — та самая, что я брал в первую разведку.

План «Призрак» был безумно прост и безумно рискован. Отвлечь их световым и шумовым взрывом у фургона, пока они бросятся туда проскользнуть к гаражу, вытащить самое ценное (медикаменты, часть еды, инструменты), запереть гараж изнутри на импровизированную защелку и уйти через вентиляцию, которую я заметил еще днем. Сани пришлось бы бросить, но хоть часть добычи мы спасли бы.

Когда луна скрылась за рваными тучами, я начал действовать. Спуск по скрипучей лестнице был пыткой. Каждый звук казался громоподобным. Но ветер выл, маскируя мои шаги.

Я прополз, как тень, до фургона. Установил шашку, привязав к ней кусок спецшнура, растянул его подальше. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться. Я вернулся на исходную, ближе к гаражу, и лег в промерзшую канаву.

Щелчок зажигалки. Тихое шипение шнура. Пять секунд тишины.

А потом мир взорвался ослепительно-белым сиянием и резким, сухим хлопком. Фургон вспыхнул, как факел, выбросив в небо огромное количество искр.

Внизу поднялся невообразимый шум. Крики, ругань. Все три тени сорвались с места и бросились к пожару. Сейчас!

Я выскочил из канавы и, сгорбившись, помчался к гаражу. Руки, одеревеневшие от холода, с трудом отодвинули тяжелую дверь. Внутри пахло пылью и нашим вчерашним страхом. Я нашел самый плотный мешок с медикаментами и инструментами Льва и два поменьше с самой питательной едой: шоколад, орехи, тушенка. Все это впихнул в свой рюкзак до отказа. Остальное... остальное пришлось оставить. Я задвинул сани в самый темный угол, набросал сверху обломков шифера и старого брезента. Не идеально, но лучше, чем ничего. Защелкнул дверь изнутри простым железным прутком, просунутым в петли, и протиснулся в старый вентиляцион-

ный ход.

Я уже был на свободе, в темном переулке за гаражом, когда услышал голос прямо за углом.

-Эй! Кто тут?!

Один из них. Тот, что ушел в дозор. Он, видимо, обошел пожар и возвращался к лагерю. Мы столкнулись нос к носу в трех метрах друг от друга. В тусклом отблеске далекого пламени я увидел его оскаленное, небритое лицо и обрезок трубы в его руке.

Не было времени думать. Не было места для манёвра. Он уже заносил трубу для удара. Мое тело среагировало само. Рука дернула нож из ножен на поясе. Я не целился. Я просто рванулся навстречу, пытаясь выбить у него трубу, и вложил в движение весь свой страх, всю ярость, все отчаяние.

Стало тепло и мокро. Он хрипло ахнул, и его дыхание, зловонное и горячее, ударило мне в лицо. Труба с грохотом упала на асфальт. Он осел, хватая меня за куртку, потом разжал пальцы и рухнул на бок. Я стоял над ним, дрожа всем телом, с окровавленным ножом в руке. Впервые. Я... я убил человека. Не зверя. Человека.

Шок был таким сильным, что я чуть не потерял сознание. Но из-за угла донеслись крики его товарищей, которых, видимо, насторожил шум. Это вправило мне мозги. Я бросил нож, не глядя на тело, и побежал. Не по обходному пути. Прямоком, через руины, через овраги, к дому, ориентируясь по звездам и паническому биению сердца.

Я не помню, как добежал. Помню только давящую тяжесть рюкзака, колющую боль в боку (видимо, ударился или он меня все же задел) и одно слово, стучавшее в такт шагам: Домой. Домой. Домой.

Сигнал у шлюза был уже чистой импровизацией, слабый, сбивчивый стук костяшками пальцев. Дверь открылась почти мгновенно. На пороге, с фонарем в дрожащей руке, стояла Ира. Ее лицо, искаженное ужасом, осветилось, когда она увидела меня, и тут же помертвело снова, когда разглядела мою окровавленную куртку (не моя кровь, нет, слава богу, не моя, но она этого не знала), мой дикий взгляд и перекошенное от усталости и шока лицо.

Она втащила меня внутрь, захлопнула дверь. Не спрашивала ни о чем. Она действовала. Помогла скинуть рюкзак, усадила на стул, расстегнула куртку. Ее пальцы, обследуя меня на предмет ран, были твердыми и уверенными, но я чувствовал, как они дрожат.

- Ты ранен? Где? - ее голос был тихим и очень четким.

- Нет... не я... это не моя... - пробормотал я, но говорить было тяжело.

Она поняла. Кивнула, сглотнула. Принесла теплой воды, тряпку. Стала стирать с моих рук, с лица грязь и темные, чужие пятна. Я сидел, как ребенок, и смотрел на нее. На ее сосредоточенные брови, на губы, плотно сжатые в тонкую линию, на ресницы, отбрасывающие тени на щеки. В ее движениях была не только забота медсестры. Была ярость.

Ярость на мир, который заставил меня это сделать. И была нежность. Та самая, которую я не мог разгадать.

Когда она закончила и убедилась, что со мной физически все более-менее в порядке, она вдруг обняла меня. Крепко-крепко. Прижала мое лицо к своему плечу. И заплакала. Тихими, сдавленными рыданиями, от которых содрогалась вся ее хрупкая фигура.

- Дурак... глупый, упрямый дурак... - шептала она сквозь слезы. - Я думала... я думала тебя больше не увижу.

И тогда что-то во мне сломалось. Оборвалось. Вся скованность, весь холод, весь ужас ночи отступили перед этим теплом, перед этой болью за меня. Я обнял ее в ответ, прижимая к себе, чувствуя, как бьется ее сердце. Искал слова, но нашел только ее имя.

- Ира...

Она отстранилась, чтобы посмотреть мне в лицо. Ее глаза, полные слез, сияли в свете лампы. В них не было вопросов. Не было сомнений. Была только радость, что я жив. И что-то еще. То самое, что я искал все эти дни.

И я поцеловал ее. Нежно, несмело, спрашивая разрешения этим прикосновением. Она не отстранилась. Наоборот, ее руки обвились мою шею, и она ответила. Это был поцелуй, в котором был вкус слез, страх потери и сладкое, горькое, невероятное облегчение от того, что мы оба здесь. Живые.

Он длился всего мгновение. Но в нем была вечность. Потом мы просто стояли, обнявшись, лоб к лбу, дыша на-

встречу друг другу.

- Больше не ходи один, - прошептала она. - Пожалуйста.

- Не буду, - пообещал я. И в этот раз это было обещание не выживальщика, а человека. Ее человека.

Лев спал, ничего не зная. Мир за стенами был все так же жесток. Но здесь, сейчас, в луже света на полу бункера, пахнущего антисептиком и ее волосами, началось что-то новое. Хрупкое, как первый росток. И сильное, как сталь.

Я вернулся. Я принес часть добычи. И я нашел нечто гораздо более ценное.

16 января

Тишина в бункере сегодня иная. Она не пугает, а сосредотачивает. Как тишина перед грозой, когда воздух наэлектризован и каждое движение отточено. После вчерашнего дня иллюзий не осталось. Мы объявили войну, сами того до конца не желая. Теперь нужно быть готовыми к ответу.

Лев, преодолевая боль, сидит за столом. Он не чертит схемы полива. Перед ним лежит карта района с нашим бункером в центре. Его взгляд аналитичен, холоден. Ира разбирает медикаменты, но ее глаза постоянно обращаются то ко мне, то к двери. В них больше нет паники. Есть решимость.

Мы провели совет. Без эмоций. Только факты: они будут искать. У них есть мотив (мечь и добыча) и приблизительное место. Наша задача: превратить бункер из убежища в крепость.

Разделили работу, но теперь мы единый организм. Я за-

нялся внешним контуром. Целый день провел на поверхности, маскируя вентиляционные выходы, устанавливая новые, более чувствительные датчики движения с выводом сигнала не на сирену, а на тихие световые индикаторы внутри. На подступах, в развалинах, начал расставлять «сюрпризы», не смертельные, но замедляющие: растяжки с шумовыми гранатами, ямы-ловушки, замаскированные под снег.

Когда я вернулся, промерзший до костей, Ира молча подала мне кружку обжигающего чая. Наши пальцы встретились. Взгляд задержался на секунду дольше. Не было слов. Было понимание. Она не спрашивала, как дела. Она видела это по моим рукам, испачканным землей и машинным маслом, и по выражению лица. И ее молчаливая поддержка грела сильнее чая.

Лев взял на себя внутреннюю оборону и вооружение. Из принесенных инструментов и найденных деталей он начал собирать нечто, названное им «Страж». Это была компактная, устанавливаемая в переносную тачку, пушка с приводом от авиационной пружины. Стреляла заточенными арматурными прутьями. Не огнестрельное оружие, но тихое, мощное и не требующее патронов. Пока он паял схему спускового механизма, Ира сидела рядом и натачивала на точильном камне эти самые прутья. Они работали молча, в полной гармонии, изредка обмениваясь взглядами или короткими репликами. Лев смотрел на сестру с новой, гордой нежностью.

17 января

Работа кипит. Сегодня Ира проявила инициативу. Пока мы с Львом возились с «железом», она изучила наши запасы трав и химикатов.

- Мы не можем рассчитывать только на грубую силу, - сказала она, и в ее голосе прозвучала та самая «ботаническая» сталь. - Нужно использовать и знания.

Она показала нам несколько флаконов с порошком-смесью перца чили, табачной пыли и едких химикатов из старой лаборатории.

-Если прорвутся к шлюзу, это ненадолго, но остановит их, - пояснила она. - Можно зарядить в самодельные дымовые шашки или рассыпать перед входом. И... - она немного смутилась, - я высадила колючие кусты дикого шиповника в ящиках у вентиляционных решеток. Прорастут не скоро, но это дополнительная преграда.

Я слушал ее и не мог отвести взгляд. Она была прекрасна в этой своей решимости. Не просто создатель жизни, но и защитник. Когда она ловила мой взгляд, на ее щеках проступал легкий румянец, но она не отворачивалась. Между нами теперь висело не просто напряжение, а тихое, взаимное признание, отложенное из-за более насущных угроз, но от этого не менее реальное.

Вечером, когда Лев рано уснул, обессиленный работой, мы с Ирой сидели в главном зале, проверяя снаряжение. Наши руки снова встретились, на этот раз над упаковкой бинтов. Она не отдернула свою. Я обхватил ее ладонь. Мы про-

сто сидели так, в тишине, слушая, как гудит генератор. Никаких слов. Никаких поцелуев. Только тепло ее руки в моей и глубокая, бездонная тишина понимания.

- Как только это закончится... - начал я тихо.

- ...все будет иначе, - закончила она за меня и улыбнулась.

Улыбка была уставшей, но в ней сияла такая надежда, что у меня перехватило дыхание.

18 января

Крепость готова. «Страж» установлен у главного шлюза. Датчики расставлены по всему периметру. Ловушки заряжены. Запасы еды и воды пересчитаны и распределены. Мы провели учебную тревогу – все сработало четко, как часы.

Мы стоим втроем в центре нашего подземного мира. Лев опирается на монтировку, но держится прямо. Ира стоит между нами, ее плечо касается моего. Я смотрю на них – на брата и сестру, ставших моей семьей, на женщину, которая за несколько дней перевернула всю мою вселенную.

- Они могут прийти сегодня. Могут – через неделю, - говорю я, и мой голос звучит спокойно в натянутой тишине.
- Но теперь мы готовы. Мы не просто выживаем. Мы защищаем свой дом.

Лев кивает, его взгляд тверд.

- Пусть попробуют. У нас тут целый арсенал инженерной мысли и... ботанической изобретательности.

Ира берет меня за руку, а другой рукой – Льва. Ее хватка крепкая.

- Мы вместе. Это главное. Это наше оружие, которого у них нет.

Они правы. Раньше я защищал схему, систему, убежище. Теперь я защищаю нечто большее. Я защищаю нас. Наш хрупкий, пробивающийся сквозь бетон росток будущего. Нашу зарождающуюся, еще не названную вслух любовь. Нашу общую волю жить не в страхе, а несмотря на страх.

Первая глава моей истории выживания закончена. Начинается новая. Глава защиты. Глава семьи.

Марк.

Конец первой главы.

Глава вторая: Росток в крепости

19 января

Напряжение первых дней после «гаража» понемногу начало переходить в рутину. Не в спокойную, нет. В рутину боевого дежурства. Мы живем на осадном положении, но сама осада пока не началась. Эта неопределенность порой хуже прямого нападения.

Но сегодня, впервые за долгое время, в бункере было что-то, отдаленно напоминающее обычную жизнь. Утро началось не с проверки датчиков (хотя это было первым делом), а с тихого восторженного возгласа Иры. Первый урожай. Тот самый салат, крошечные зеленые листики, выросшие под лампами, были готовы к сбору.

Мы стояли втроем вокруг лотка, как вокруг алтаря. Ира аккуратно срезала ножницами несколько веточек. На завтрак у нас были жесткие галеты, тушенка и... горсть свежего, хрустящего, невероятно зеленого салата. Каждый листик был праздником. Вкус был острым, живым, взрывным. Это была не просто еда. Это было доказательство: жизнь не просто теплится здесь, под землей. Она произрастает.

После завтрака мы провели полную инвентаризацию. Все, что принесли из супермаркета и что осталось от старых запасов, было разложено по полкам, взвешено, внесено в новый журнал, который завела Ира. Цифры успокаивали: при

жесткой экономии нам хватит на два-три месяца. А там, глядишь, и орошительная система Льва заработает на полную.

Лев, окрепший за эти дни, сегодня снова погрузился в свои чертежи. Теперь он проектировал не просто систему полива, а целый автономный модуль с рециркуляцией воды и подсветкой, оптимизированной под идеальные вычисления Ирв. Он что-то бормотал себе под нос, делая расчеты, а я помогал ему таскать трубы.

Именно тогда это и случилось. Ира подошла ко мне, чтобы передать измеритель уровня жидкости. Наша встреча у полок с инструментами была чистой случайностью, но когда она протягивала прибор, ее пальцы скользнули по моим, и она не сразу отпустила. Мы замерли на секунду, и я увидел, как в ее глазах мелькнула та самая теплая, смущенная искра. Я не удержался и легонько сжал ее ладонь.

Раздался громкий и театральный кашель. Мы оба вздрогнули и отпрыгнули друг от друга, как школьники. Лев стоял в дверях мастерской, опираясь на костыль (его собственное изобретение из трубы и обрезков кожи), и смотрел на нас с невероятно довольным, чуть лукавым выражением лица.

- Не помешал, надеюсь? - спросил он, и в его голосе звенела безобидная насмешка. - Тут, понимаете, давление в системе нужно измерить. Но если у вас тут... более важные переговоры идут, я могу подождать.

Ира покраснела до корней волос и что-то пробормотала про необходимость проверить раствор, после чего быстро

ускользнула к своим растениям. Я же почувствовал, как жар разливается по моей собственной шее.

- Лев... - начал я, не зная, что сказать.

- Да все в порядке, Марк, — он махнул рукой, и лукавинка в его глазах сменилась на искреннюю, теплую улыбку. - Я только рад. Seriously. После всего этого ада... приятно видеть что-то хорошее. Настоящее.

Он подошел ближе, понизив голос.

- Она у меня золото. И видит в тебе... что-то настоящее. Так что не порть. И не вздумай ее обидеть, а то мой "страж" стреляет не только в бандитов.

В его тоне была шутка, но в глазах - серьезное предупреждение брата. Я кивнул, не в силах вымолвить слово. Он хлопнул меня по плечу и, посвистывая, отправился к своим трубам.

Вечер прошел в удивительно мирной, почти домашней атмосфере. Мы вместе готовили ужин (Ира добавила в тушенку щепотку сушеных диких трав, и запах наполнил бункер невероятным уютом). Лев рассказывал забавные истории из своего студенчества. Ира смеялась, а ее нога под столом изредка, случайно, касалась моей. И каждый раз этот легкий контакт отзывался во мне тихим, радостным гулом.

Мы все еще начеку. Дежурства сменяют друг друга по графику. Датчики на внешнем контуре молчат, но мы не обманываем себя. Буря еще впереди.

Но сегодня, 19 января, мы не просто выживали в крепо-

сти. Мы жили в ней. Смеялись. Росли. И прятали в сердцах первые, хрупкие и такие сильные ростки чего-то нового. Чего-то своего.

20 января

Сегодняшний день был соткан из контрастов. С одной стороны холодная сталь подготовки. С другой невероятная, хрупкая теплота, которая пробивается сквозь эту сталь, как первый зеленый росток сквозь бетон.

Утро началось с проверки самого дальнего датчика, который вчера дал сбой. Я уходил на поверхность, в предрассветный морозец. Ира, уже проснувшаяся, молча подала мне термос с горячим чаем. Не сказав ни слова, она поправила шарф у меня на шее, и ее пальцы на мгновение коснулись кожи. Этот простой, заботливый жест грел меня все время, пока я чинил промерзший контакт на ветру.

Вернувшись, я застал ее у орошительной установки. Лев что-то объяснял ей, показывая на схему, а она, присев на корточки, проверяла корни салата. Солнечный свет от имитатора окна падал ей на волосы, и они светились, и как же это меня завораживает... Она что-то спрашивала у брата, и в ее голосе, всегда таком мягком, слышались нотки делового интереса. Она не просто поливала растения. Она изучала их, как я изучаю схемы, вникая в самую суть процессов.

Именно это в ней поражает. Ее сила не громкая. Она тихая, как рост корня, но такая же неотвратимая. Она может быть нежной, ухаживая за ростком, и через минуту собран-

ной и жесткой, когда речь заходит о защите нашего дома. Она помнит, у кого из нас сегодня дежурство, у кого болят от напряжения плечи, и незаметно подкладывает под спину дополнительные подушки или настаивает успокаивающие травы.

После обеда мы с Львом усиливали внутреннюю перего-родку у главного шлюза на случай, если его пробьют. Ра-бота была грязной и шумной. Ира принесла нам воды и на несколько минут присела на ящик рядом, наблюдая. И я ловил себя на том, что отвлекаюсь. Не на работу. На то, как она сидит: поджав под себя ноги, обхватив колени. На то, как она покусывает нижнюю губу, когда сосредоточена. На маленькую родинку у нее на шее, чуть ниже линии волос. На эти детали, которые не имеют никакого значения для выжи-вания, но которые теперь для меня важнее всего.

Однажды, когда Лев отвернулся, чтобы закрутить болт, наши взгляды встретились. Я был весь в пыли и поте, а она - чистая, в своем поношенном, но аккуратном свитере. Она улыбнулась. Не широко. Тихо, уголками губ и глаз. И в этой улыбке было столько понимания, столько молчаливого «я здесь, я вижу тебя», что у меня перехватило дыхание. Я хо-тел сказать что-то. Но слова застряли где-то глубоко внутри, смешавшись с этим новым, теплым и пугающим чувством.

Вечером, когда Лев рано отправился отдыхать (старые травмы дают о себе знать), мы с Ирой остались одни. Мы молча мыли посуду. Плечом к плечу. Ее присутствие было

таким... физическим. Я чувствовал тепло ее тела, слышал ее тихое дыхание. Водопроводная вода шумно текла в раковину, а в бункере стояла такая тишина, что можно было услышать, как бьется сердце. Мое. Наверное, и ее тоже.

Я рискнул. Просушивая тарелку, я нечаянно (совсем не нечаянно) коснулся ее руки своей ладонью. Она не отодвинулась. Наоборот, повернула руку и на мгновение прижала свою ладонь к моей. Быстро, почти незаметно. Но этого было достаточно. Этого было больше, чем достаточно.

- Марк, - тихо сказала она, не глядя на меня.

- Да?

- Спасибо. За все.

Она говорила не только за сегодня. Она говорила за спасение в промзоне, за риск, за этот бункер, за ту надежду, что мы теперь охраняем вместе. Я только кивнул, не в силах выдать ни слова. Потому что «спасибо» должен был говорить я ей. За каждый ее взгляд, за каждую улыбку, за этот тихий, непоколебимый свет, который она принесла в мое подземное царство.

Мы до сих пор ждем осады. Каждый скрип металла заставляет насторожиться. Каждая тень на мониторе проверять оружие. Но теперь, рядом с этой тревогой, живет что-то иное. Что-то, ради чего стоит сражаться не на жизнь, а на смерть.

Не просто выжить. А защитить этот тихий свет. Защитить ее.

21 января

Тишина начинает действовать на нервы. Не та благословенная тишина безопасной ночи, а тяжелая, подозрительная пауза. День прошел в бесконечных проверках: Лев и я обошли все датчики внешнего периметра, проверили каждую растяжку, каждую защелку. Все в идеальном, не тронutom состоянии. Это странно. Слишком тихо после такого громкого вызова, который я им бросил.

За обедом Лев высказал то, что витало в воздухе:

- Либо они тупее, чем мы думали, и наши следы замело. Либо они умнее. Готовятся. Изучают нас.

Эта мысль неприятно скребла под лопаткой. Враг, который не лезет напролом, а думает самый опасный.

После обеда напряжение висело в воздухе густой пеленой. Чтобы отвлечься, я полез в свои запасы, в ящик со старым радиоэлектронным хламом. Среди прочего нашел допотопный, но в целом целый коротковолновый радиоприемник «Океан». Батареи к нему давно умерли, но я подключил его к нашему блоку питания. От скуки, от потребности занять руки чем-то, что не связано с ожиданием удара.

Пока я копался с паяльником, пытаюсь оживить древнюю схему, в бункере остались мы с Ирой. Лев ушел в дальнюю часть проверять вентиляцию. Она сидела за столом, сортировала семена, но чувствовалось, что ее мысли тоже далеко.

- Он прав, знаешь, - тихо сказала она, не глядя на меня. - Лев. Возможно, что они готовятся.

- Знаю, - пробормотал я, пытаюсь впаять конденсатор.

- И я... я боюсь. Но не так, как раньше.

Я оторвался от платы, посмотрел на нее.

- А как?

Она встретила мой взгляд. В ее глазах не было паники. Была ясность, какая-то новая, взрослая решимость.

- Раньше я боялась просто умереть. Сейчас я боюсь потерять... это. Нас. То, что мы начали строить. Это страшнее.

Слова повисли в воздухе. Паяльник в моей руке тихо шипел. Я отложил его, вытер руки.

- Я тоже, - признался я, и голос мой прозвучал хрипло. - Все эти годы я боялся только за свою шкуру. Это было просто. А теперь... теперь у меня есть ахиллесова пята размером с целый бункер. Две пяты, если считать Льва.

Она улыбнулась, но в улыбке была грусть.

- Мы - твое слабое место.

- Нет, - я встал и подошел к столу. - Вы мое единственное по-настоящему крепкое место. Основание. Без вас это всего лишь сталь и бетон. Мертвая схема.

Мы смотрели друг на друга через стол, заваленный паке- тиками с семенами. Дистанция в метр казалась непроходимой пропастью и ничтожным промежутком одновременно.

- Я не знаю, как это называется, что между нами, Марк, - сказала она еще тише. - После всего, что было... любовь кажется слишком хрупким, слишком «домашним» словом. Но это... это есть. И оно сильное.

- Это правда, - выдохнул я. Больше я ничего не мог сказать. Все слова казались неподходящими, дешевыми. Вместо этого я обогнул стол и взял ее руки в свои. Она встала. Мы стояли так, просто глядя друг другу в глаза, и в этом молчаливом признании было больше смысла, чем в любых клятвах.

Потом я поцеловал ее. Медленно, нежно, давая ей время отстраниться. Она не отстранилась. Ее руки обвились мою шею, и она ответила на поцелуй со всей той страстью и нежностью, которые, казалось, копились в ней все эти годы выживания. Это был поцелуй не беглецов, поцелуй не от отчаяния. Это был поцелуй выбора. Нашего выбора. Здесь и сейчас, среди запаха олова, земли и страха, мы нашли друг в друге то забытое чувство, которое делает человека человеком. Надежду на завтра не потому, что выживешь, а потому, что будет ради кого просыпаться.

Нас прервал резкий, хриплый треск из динамика приемника. Мы вздрогнули и разомкнули объятия, как пойманные на чем-то. Приемник, который я в итоге кое-как оживил, ловил волны. Сквозь шипение и помехи пробивалась не речь, а сигнал. Ровный, ритмичный. Азбука Морзе.

Мы с Ирой замерли, слушая. Лев, услышав шум, вернулся в зал.

- Что это?

Я схватил блокнот и начал записывать точки и тире. Сигнал повторялся. Короткая последовательность. Я расшифро-

вал:

«PRISPET FACIAL»? Бессмыслица. Лев, заглянув через плечо, нахмурился.

—Латинский? «Primum specta faciem»? «Сначала посмотри в лицо»? Нет... «Primum spatio facili»? «Первое на легком расстоянии»? Бред.

Сигнал повторился снова. И снова. Одно и то же. Кто-то выходил в эфир. Не случайно. Нарочно. На зашифрованном языке. Возможно, на смеси латыни и кода. Кто? Другие выжившие? Военные? Или... ловушка? Приманка, чтобы выманить таких, как мы?

Трепет первого поцелуя сменился леденящим холодом новой, незнакомой угрозы. Теперь у нас была не только опасность от бандитов, которые где-то там, в тишине. Теперь у нас был голос из эфира. Тайный, зашифрованный, непонятный.

Осада еще не началась. Но поле боя неожиданно расширилось. И на нем появился новый, невидимый игрок.

22 января

Сегодня в бункере пахло не страхом и пылью, а азартом и... надеждой. С самого утра мы с головой погрузились в головоломку. Зашифрованное послание из эфира, как магнит, притянуло все наши мысли. Это было не просто отвлечение, это был вызов нашему разуму, намек на то, что за стенами нашего бетонного кокона существует не только хаос.

Мы распечатали азбуку Морзе, латинские словари (благо,

в лабораторной библиотеке нашлось кое-что) и уселись за стол втроем. Лев, с его инженерной логикой, выстроил возможные варианты перевода, исходя из аббревиатур или известных латинских фраз. Ира, с ее вниманием к деталям, искала закономерности в повторях. Я же пытался представить, как мыслит тот, кто посылает сигнал.

«PRISPET FACIAL» не складывалось ни в что вразумительное. Пока Ира не сказала, задумчиво глядя на запись:

-А если это не латынь? А если это... слова, но на другом языке, просто записанные латинскими буквами как фонетика? Или даже с ошибками?

Эта мысль стала ключом. Лев начал перебирать похожие звучания.

-«Приспеть фашиал»? «Приспе факел»? Бред.

-«Приспет... приспеть... Приспеть? Нет. Привет? - вдруг выдохнула Ира. - «Привет факел»?

Мы замерли. «Привет факел». Бессмыслица. Но...

- «Привет, Фасил»? Имя? - предположил я.

- Или не имя, - медленно проговорил Лев, водя пальцем по буквам. - «Привет, Фасил»... Нет... «Привет, FACIL»... Facil - это «легкий» на испанском! «Привет, легкий»?

Нам казалось, что был прорыв. Мы начали раскладывать код заново, допуская ошибки в передаче или простейший шифр - сдвиг букв. Через час кропотливой работы, после десятка отброшенных версий, снова бессмыслица. Но Лев, как и мы все, уже разгоряченный, не сдавался.

Тогда Ира предложила гениально простое: а что, если это изначально русские слова, записанные латиницей как слышится, а потом зашифрованные сдвигом? Мы попробовали. С мучениями и спорами, мы восстановили исходную фразу, записанную на латинице: «PRIVET FASIL». И наконец, прочитали это как звучание русских слов:

«ПРИВЕТ ВАСИЛИЙ»

Мы сидели в полной тишине, глядя на эти два слова. «Привет, Василий». Это было не военное донесение. Не код бандитов. Это было... личное обращение. Радиопозывной? Попытка связаться с конкретным человеком? А может, общий сигнал для своих? Но главное тон. Мирный. Почти бытовой.

Мы долго обсуждали, что делать. Риск был огромен. Это могла быть ловушка. Но в послании не было угрозы, вымогательства, не было даже намека на агрессию. Была странная, наивная надежда, словно кто-то в темноте кричит знакомое имя, чтобы узнать, не отзовется ли кто.

Решили ответить. Так же. Зашифрованно. Чтобы проверить реакцию и не раскрыть себя. Составили простое: «СЛЫШИМ. КТО ВЫ?». Перевели в латиницу, применили тот же сдвиг, превратили в код Морзе. После обеда, когда эфир был чуть чище, я нажал на ключ и отстучал нашу фразу. И отправил в эфир, в никуда. Теперь будем ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.